

КЪ ЮБИЛЕЮ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Намъ доставленъ еще цѣлый рядъ привѣтствій и телеграммъ, продолжающихъ поступать на имя Л. Н. Толстого.

Одно изъ привѣтствій начинается слѣдующими словами:

„Гонимому отъ угнетенныхъ!

Мы, крестьяне одного угла столицы, различныхъ цеховъ и профессій, сошлись, обсудили и объединились одной мыслью выразить вамъ по случаю 80-лѣтя дня вашего рожденія свой скромный, полу-грамотный, но изъ сердечнѣйшихъ сердечный и изъ искреннѣйшихъ искренний привѣтъ“.

Рабочіе т-ва „Прощеніе“ привѣтствуютъ въ лицѣ Л. Н. „доброднаго сына земли русской“.

Затѣмъ слѣдуютъ телеграммы:

„Отъ чрезвычайнаго общаго собранія членовъ петергофскаго общественаго собранія“, „отъ группы почитателей съ 60 подписями“, „отъ правленія сиб. педагогическаго общества взаимной помощи, отъ союза шведскихъ публицистовъ въ Финляндіи и др.“

Отъ группы почитателей, за подписью 28 лицъ, отправлена гр. Л. Н. Толстому телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Въ лицѣ твоемъ, великій старецъ, чистъ страстнаго и справедливаго мыслителя. Заслуги твои передъ многострадальной нашей родиной и на благо всему человѣческому роду безпредѣльно славны и велики. Преклоняемся передъ твоимъ недостижимымъ мужествомъ, умственной красотой и свободнымъ совѣсть“.

Рабочіе снарядной мастерской Обуховскаго завода отправили Л. Н. Толстому слѣд. телеграмму:

„Рабочіе Обуховскаго завода снарядной мастерской счастливы возможностью привѣтствовать въ знаменательный для всего міра день тебѣ, великій писатель и учитель. Ты, какъ путеводная звѣзда, указалъ путь къ истинѣ и любви; ты разрѣшилъ вопросы, которые такъ долго оставались неразрѣшенными; ты указалъ ближайшій путь къ достиженію идеала; твоимъ святымъ ученіемъ глубоко пронинуты сердца народовъ и заглушить его никто и ничто не въ силахъ. Пусть Богъ хранитъ твое здоровье, ибо оно есть залогъ счастья миллионамъ людей всего міра“.

Культурно-просвѣтительное общество „Знаніе—свѣтъ“ отправило Л. Н. Толстому слѣд. телеграмму:

„Глубокоуважаемый Левъ Николаевичъ! Мы, рабочіе-члены общества „Знаніе—свѣтъ“, привѣтствуемъ васъ ко дню вашего восьмидесятилѣтія, какъ великаго писателя-художника, какъ носителя свѣта и правды, гонимаго за эти исканія; желаемъ, чтобы эти гоненія увеличили ваши силы. Желаемъ вамъ еще долго жить“.

Собр. Сл. 31/А. 1908

Ни слова.

Несмотря на все двойственное и колеблющееся отношеніе мѣстной администраціи, въ цѣломъ рядѣ городовъ состоялись различныя общественныя собранія для чествованія Л. Н. Толстого въ день его юбилея. И провинціальная печать въ громадномъ большинствѣ случаевъ имѣла возможность, въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ, высказаться 28 августа о великомъ писателѣ русской земли. Даже въ такихъ прославленныхъ городахъ, какъ Вятка или Харьковъ, газеты вышли со статьями о Толстомъ и такъ или иначе отмѣтили день культурнаго празднества.

Съ интересомъ развернули мы одесскія газеты.

Одесса—крупный университетскій городъ, культурный центръ. Конечно, мѣстная печать, свороченныя ностальгическая, богатая и широко распространенная, достойно почтила этотъ великій день?

Развертываемъ одну газету за другой и не находимъ ни одного слова о Л. Н. Толстомъ.

Ни одного слова!

Ни одна газета не помѣстила ни одной строчки о событіи и о писателѣ, имя котораго гремѣть теперь больше, чѣмъ когда-либо, во всемъ культурномъ мірѣ.

Для Одессы нѣтъ Л. Н. Толстого, нѣтъ его художественной и литературной дѣятельности, нѣтъ даты 28-го августа! Ничего нѣтъ! Одно пустое мѣсто! Пусть гремѣть весь міръ, весь земной шаръ, Одесса не знаетъ и знать не хочетъ Льва Николаевича Толстого...

Конечно, если мы вспомнимъ, что въ Одессѣ—генералъ Толмачевъ, то поймемъ причину этого молчанія.

Генералъ приказалъ,—и Льва Николаевича Толстого не стало. Подписалъ бумагу,—и вычеркнулъ половину русской литературы. Издалъ циркуляръ,—и истребилъ имя „Воину и миру“, „Алну Каренину“, „Воскресеніе“.

Мы думали, что Щеринъ выдумалъ того своего героя, который въѣхалъ на бѣломъ конѣ въ гимназію и упразднилъ науки. Жизнь пошла дальше Щерина...

Въ Одессѣ все возможно. Упразднили Толстого, русскую литературу, упразднить, того и глады, и всю Россію. Въ Одессѣ все возможно!..

Все возможно здѣсь, потому что здѣсь работаетъ „негръ“. Негръ сѣмькаетъ профессоровъ и громогласно заливается, что онъ никого не допуститъ, безъ своего одобренія, на должность ректора университета. Негръ хозяйничаетъ на улицѣ и въ литературѣ. Онъ издастъ здѣсь журналъ „Резану“. Нѣтъ Л. Н. Толстого, зато есть резини и „Резина“. Прекрасная картина конституціоннаго строя.

И пусть, глады на такія картины положенія русской печати, „Голосъ Правды“ и голоса отсталости издахаютъ притворно объ англійской свободѣ печати, а пока рекомендуютъ постепенность снятія административныхъ мѣръ. Пока сознанию взойдетъ, роса они выѣстъ. Пока постепенно будетъ уничтожаться административная мѣра,—въ Одессѣ уже успѣли уничтожить Л. Н. Толстого.

И посмотрите, скоро въ Одессѣ и совсѣмъ не будетъ печатнаго слова. Хорошо въ парствѣ негроты!..

Собр. Сл. 31/А. 1908

ТУЛА, 30 августа.

Общимъ собраніемъ мѣстнаго клуба постановлено въ ознаменованіе 80-лѣтія Л. Толстого внести въ общество помощи недостаточнымъ ученикамъ гимназій 2,000 руб. для образованія неприспособеннаго капитала имени писателя; проценты съ капитала назначены въ уплату за ученіе бѣднѣйшихъ учениковъ безъ различія сословія.

ВОЛОГДА, 30 августа.

Редакціей газеты «Сѣверъ» послана Льву Толстому слѣдующая телеграмма: «Вологодская газета «Сѣверъ» счастлива присоединиться къ чествованію восьмидесятилѣтнимъ міромъ 80-ой годовщины вашей жизни, отданной исканію истины, гениальной художественно-творческой проповѣди любви, человечности, братства». Привѣтственные телеграммы отправили юбиляру консулѣція присяжныхъ повѣренныхъ при окружномъ судѣ, общество помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, врачей и общество «медицинское общество».

Собр. Слово 31-го Аб. 1908

Изъ Юрьева.

День юбилея Л. Н. Толстого прошелъ у насъ почти безслѣдно. Мѣстная нѣмецкая газета помѣстила небольшую переводную статью, посвященную юбилею великаго писателя земли русской, въ которой съ извѣстной осторожностью указываетъ на значеніе юбиляра, какъ великаго художника и мыслителя. Общество русскихъ студентовъ и клубъ студентовъ-медициковъ отправили въ Ясную Поляну общую телеграмму, слѣдующаго содержанія: «Великому гению земли русской шлемъ свой привѣтъ. Общество русскихъ студентовъ юрьевского университета».

Собр. Слово 31-го Аб. 1908

Привѣтствія Толстому отъ сибиряковъ.
«Ват. Рѣчь» получила свѣдѣнія о постановленіи «кружка сельскихъ хозяевъ» въ якутской области, образовавшагося изъ политическихъ ссыльных, попавшихъ на дальній сѣверъ во времена Плеве. Часть кру-

ка состоитъ изъ самыхъ арыхъ послѣдователей гр. Толстого, въ свое время пострадавшихъ за свои убѣжденія, перенесшихъ и ссылку, и тюремное заключеніе, и «убыщанія» миссіонеровъ.

Ко дню юбилея въ Ясную Поляну отпавилась особая депутація изъ тѣхъ толстовцевъ, которые уже отбыли срокъ административной ссылки и могутъ безъ риска появляться въ Россіи. Депутація передаетъ гр. Толстому книгу съ описаніемъ жизни толстовцевъ въ Сибиріи; экземпляръ этой книги — единственный; книга подробно описываетъ гоненія на толстовцевъ, ихъ жизнь и работу въ далекой тайгѣ.

Извѣстные въ Сибиріи с.-х. кооперативы, владѣющіе въ данное время уже своими заводами и мастерскими по устройству с.-х. машинъ и орудій, черезъ избраннаго ими делегата послали въ Ясную Поляну для нужды крестьянъ нѣсколько сотъ косъ, молотилокъ, новой конструкціи плуговъ въ собственность яснополянскихъ крестьянъ съ условіемъ пользоваться ими на товарищескихъ началахъ. Одинъ изъ плуговъ, представляющій собою шедевръ плужнаго про-

изводства съ различными приспособленіями, предназначается для юбилея. На всѣхъ орудіяхъ и машинахъ поставлено клеймо: «Яснополянскимъ крестьянамъ отъ сибирскихъ кооперативовъ въ память юбилея гр. Л. Н. Толстого, 28 августа 1908 г.».

Собр.м. Слово 31 Авг. 1908

Собр.м.

МОСКВА.

(По телефону).

Къ юбилею Толстого.

Нѣсколько привѣтственныхъ телеграммъ, посланныхъ Л. Н. Толстому на Москву, не были писателямъ получены. Отправители телеграммъ получили извѣщеніе, что Л. Н. Толстой на жительствѣ въ Москвѣ не значится и мѣсто его пребыванія неизвѣстно.

При московскомъ обществѣ фабричныхъ врачей, по примѣру петербургскаго техническаго общества, образовано бюро медицинской экспертизы для опредѣленія рабочими какъ полной, такъ и частичной работоспособности.

Собр.м. Слово 31 Авг. 1908

Общедоступный Театръ Народнаго Дома гр.С. В. Паниной.

Тамбовская, 63; телеф. 230—31.

Сегодня, 31 авг., открытіе спектаклей.

Въ честь 80-лѣтія гр. Л. Н. Толстого: **ВЛАСТЬ ТЬМЫ**

Начало въ
7 ч. веч.

Собр.м. Слово 31 Авг. 1908

МѢСТНАЯ ЖИЗНЬ.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ
въ день 28 августа.

II.

Сегодняшняя почта принесла наибольшую часть провинциальных газет от 28 августа—день юбилея Л. Н. Толстого.

Продолжая наш обзор, мы и на этот раз прежде всего остановимся на официальной и черносотенной прессе.

Признаем, что относительно корректности вообще официальной прессы, которую мы отметили вчера в некоторых официальных изданиях западных окраин и губерний, мы несколько понесли. Если „Финляндия“, „Варш. Дневн.“, „Витебскія Губ. Вѣдом.“ отнеслись къ юбилею Толстого сдержанно и даже отказались на этот день от отпечатки его, как философа и публициста, то такая изданія, как известная боевая „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, дали волю своему злопыхательству, что называется, во-всю. Въ огромном фельетонѣ „Л. Н. Толстой и освободители“ газета умудрилась записать Толстого всецѣло въ свой лагерь. Она записала подписывающаго въ произведеніяхъ великаго писателя такихъ мѣстъ, которыя характеризуютъ отношеніе его къ освободительному движению послѣднихъ лѣтъ. И съ торжествомъ провозгласила Толстого своимъ.

Другихъ официальныхъ изданій сегодня мы не имѣемъ.

„Донскія Областныя Вѣдомости“ съобщъ промолчали о Толстомъ—и это, конечно, пріятнѣе.

Но зато какъ-разъ въ духѣ „Харьк. Губ. Вѣд.“ сочинила юбилейный № „Русскія Правда“—газета, содержащая на средства екатеринославскаго губернскаго земства. Эта псевдоемская газета превозноситъ Л. Н. Толстого до небесъ и удивляется, что „и правительственные, и общественныя учрежденія на перестой спѣшатъ откритыя отъ публики чествованія Толстого“. Почему? А потому, что „одна въ виду чествованія устроила чисто освободительскій провокаціонскій кавардакъ“... а другіе пошли на эту провокацію и испугались ея.

Реакціонный „Полтавскій Вѣстникъ“ помѣстилъ цѣлый рядъ статей подъ такими заголовками: „Неужное торжество“, „Толстой не въ своей роли“ и т. п.

Но, кажется, ни одна изъ реакціонныхъ газетъ не допустила того, на что рѣшилась и передъ Толстымъ, и передъ читателями саратовская газета „Волга“. Она въ день 28-го августа перепечала актъ св. синода объ отлученіи Толстого отъ православной церкви. Затѣмъ „архипастырское обращеніе къ духовенству и православнымъ“ епископа Германа, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „И того нравственнаго разбойника, предлюбодя слова, возмутительнаго кощунника и безбожника, общественнаго и нравственнаго анархиста нѣкоторая часть нашего русскаго общества хочетъ чествовать“!.. Далѣе идутъ статьи: „Великій липецкій“ „Торжество развратной плоти“ и т. д., и т. д. Указывая въ своей передовицѣ на актъ отлученія Толстого, „Волга“ говоритъ: „Пока стоитъ бѣлый свѣтъ, до тѣхъ поръ актъ этотъ будетъ свидѣтельствовать о томъ, что духовная связь между заблудшимъ и народомъ порвана и осквернена. О какомъ же чествованіи можетъ быть рѣчь?“

Но... довольно мы останавливались на этой человѣконенавистнической прессѣ. Такое отношеніе къ дню 28 августа въ русской печати все-таки исключеніе.

Цѣлый рядъ прогрессивныхъ газетъ отнеслись, конечно, съ высокимъ вниманіемъ и глубокимъ уваженіемъ къ гениальному писателю въ день его юбилея. Отметимъ прежде всего въ нѣкоторыхъ газетахъ („Кіевскія Вѣсти“ и „Сарат. Вѣстн.“) статьи объ участіи Толстого въ борьбѣ съ голодомъ. Эти статьи являются по-истиннозободнечными и вызываютъ чудный образъ великаго работника не только на поприщѣ литературы, но и практической дѣятельности. Въ статьѣ В. Португалова („Кіевск. Вѣстн“) ярко обрисовывается отношеніе Л. Н. къ голодовкамъ русскаго крестьянина, главнымъ образомъ, по поводу самарскаго голода 1871 г., и начавшаго съ того времени реакціонный походъ противъ Толстого. Къ сожалѣнію, очевидно, „по неважнѣйшимъ обстоятельствомъ“, процитируетъ текстъ письма Толстого: „Почему русскіе крестьяне голодаютъ“, напечатаннаго только въ „Daily Telegraph“ и другихъ англійскихъ газетахъ.

Яркіе №№ дали „Бессар. Жизнь“, „Приднѣпр. Край“, „Сарат. Листокъ“ и „Сар. Вѣстн.“, объ нижегородскіхъ. — „Нижег. Лист.“ и „Волгарь“ и др.

Но вотъ развертываемъ одесскія газеты. И... къ удивленію, о Толстомъ ни строчки.

Можетъ быть, мы ошиблись, можетъ быть это №№ отъ 27 августа! Нѣтъ, отъ 28 го! И ни строчки. Только въ „Одесскомъ Обзорѣ“ гдѣ-то въ уголку между телеграммами и статьями напечатаны слѣдующія строки: „Сегодня весь мыслящій міръ чувствуетъ знаменательный день—день 80-лѣтія со дня рожденія великаго писателя земли русской—Льва Николаевича Толстого“. И больше ничего. А затѣмъ идутъ статьи объ октябристствѣ и оппозиціи, о Гучковѣ и... о Тургеневѣ. Одесскимъ газетамъ пришлось Толстого замѣнить Тургеневымъ, очевидно, по предисловію ген. Толмачева.

Вологодскій „Свѣтъ“ пишетъ, что „сегодня читатели наши обратятся къ „Свѣту“ въ ожиданіи встрѣты въ немъ очерки, посвященныя Л. Н. Толстому и произведенія его творчества. Мы не могли и не можемъ вѣтъ настрѣбу этимъ ожиданіямъ. Читателямъ уже известно указаніе, сдѣланное намъ о недопущеніи въ газетѣ демонстративныхъ статей и замѣтокъ въ связи съ 28 авг.“ Разяснивъ далѣе растяжимость понятія „демонстративный“, газета говоритъ: „Работа въ извѣстныхъ условіяхъ, мы, естественно, должны считать съ ними, а, считаясь, должны избрать этотъ выходъ (т. е. воздержаться отъ участія въ сегодняшнемъ торжествѣ), какъ наиболѣе искренній и правдивый“.

А „Псковскій Голосъ“ спрашиваетъ: „Отчего же во Псковѣ не гудятъ колокола, улицы его не украшены?.. Быть-можетъ, мы, псковичи, утратили традиціи своихъ предковъ?.. Нѣтъ! Псковичи не измѣнили традиціямъ своихъ предковъ, но пренебрегли еще въ ихъ сердцахъ слышится призывъ вѣчного колокола, и не ихъ винить, что день 28 августа не былъ днемъ торжества въ честь поборника добра; они только чутьежъ поняли, что противъ зла, если не всегда, то хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слѣдуетъ бороться сопротивленіемъ ему, и это особенно умѣстно, когда чувствуется авторъ этого ученія“.

Какъ мы видимъ, „противоположенію злу“ особенно пришлось чествовать великій юбилей одесскимъ газетамъ. А, можетъ быть, и не имъ однимъ. Посмотримъ, что дастъ намъ слѣдующая почта. Вас. Г.

Чествованіе Л. Н. Толстого.

Правленіе спб. педагогическаго общества взаимной помощи послало Л. Н. Толстому слѣдующую телеграмму: „Въ первомъ осеннемъ засѣданіи правленіе спб. педагогическаго общества постановило при-
вѣтствовать вась съ восьмидесятилѣтіемъ славной для Россіи и всего міра жизни. Многая лѣта гениальному художнику и великому учителю. Правленіе“.

Петербургскимъ обществомъ психіатровъ и русскимъ обществомъ нормальной и патологической психологіи отправлена Л. Н. слѣдующая телеграмма:

„Петербургское общество психіатровъ и русское общество нормальной и патологической психологіи въ день восьмидесяти-
лѣтней годовщины со дня рожденія Лѣва Николаевича горячо привѣтствуютъ великаго міроваго писателя, на произведеніяхъ котораго лѣтъна покатѣніи учились позна-
вать и любить человека въ его духов-
ныхъ проявленіяхъ, вся жизнь котораго была исканіемъ и проповѣдью добра и правды и который еще недавно, въ наши тяжелые дни, возвысилъ свой мощный, юношески-бодрый голосъ противъ грубаго насилія и другихъ золъ, раздражающихъ нашу родину“.

Евреи-ремесленники отправили въ Яс-
ную Поляну слѣд. телеграмму:

„Отъ всей души привѣтствуемъ солнце
Россіи. Тѣни Акибы не затемнятъ свѣта
Агосты“.

Слѣд. 31-го. 1908

ТЕАТРЫ, КОНЦЕРТЫ и ЗРѢЛИЩА.

Александринскій театръ. „Плоды просвѣще-
нія“. Начало въ 8 час. веч.

Мариинскій театръ. Утро: „Демонъ“ 1-ое
предст. 1-го воск. утр. абонементъ. Нач. въ 3 1/2 ч.
дня. Вечеръ: „Ручей“ 39-ое предст. абон.
Нач. въ 8 час. веч.

Театръ Литер.-Худож. 0-ва (Малый театр,
Фонтанка, 65). Утро: 1—„Исторія Карла
Ивановича“, 2—„Катюша Маслова“ 3—5-е
дѣйств. др. „Блестящая тѣнь“ 4—„Живые кар-
тины къ произвед. гр. Л. Н. Толстого“. Ве-
черъ: „Любовь на стражѣ“.

Слѣд. 31-го. 1908

А. Н. Толстой и московский
комитет грамотности.
(Историческая справка.)

Въ Русск. Вѣд. въ номеръ отъ 23-го августа было сообщено о томъ, что московское Общество грамотности въ заседании 16-го августа постановило въ ознаменованіе 80-лѣтія со дня рожденія А. Н. Толстого открыть въ Венгійскомъ народномъ Библіотекѣ его имени, на что уже получено согласіе А. Н.

Этимъ русское общество не должно оставлять безъ вниманія педагогическую деятельность А. Н., то тамъ было Базисъ и дорога эта сторона деятельности максимализма собирана для московскаго Общества грамотности, какъ присланный комитетъ грамотности, именованъ наставителемъ въ рядъ бывшихъ членовъ А. Н. Толстого. Еще не составъ членовъ комитета грамотности, А. Н. предложилъ комитету

выбрать изъ его сочиненій то, что пригодно для народнаго чтенія, и выдать отдѣльные книжки. Въ засѣданіи 23-го октября 1873 года предѣлатель комитета І. Н. Шатиловъ доложилъ, что А. Н. предлагаетъ проверить на опытъ его способъ обученія грамотѣ, причѣмъ этотъ опытъ обученія А. Н. желалъ бы произвести въ присутствіи членовъ комитета съ цѣлью опредѣленія, насколько его способъ обученія простъ, удобопонятенъ для каждаго мало-мальски способнаго учителя и насколько быстро посредствомъ этого способа обученія можно выучиться читать. Комитетъ принялъ это предложеніе А. Н. и постановилъ просить послѣдняго представить въ засѣданіе комитета объясненія по поводу своего метода обученія. 15-е января 1874 г. является знаменательнымъ днемъ въ исторіи комитета грамотности: въ этотъ день А. Н. Толстой былъ избранъ въ число членовъ комитета (предложенъ былъ І. Н. Шатиловымъ въ засѣданіи 28-го декабря 1873 г.) и тотчасъ по избраніи выступилъ въ качествѣ защитника буквосолагательнаго метода.

Пренія по этому вопросу приняли весьма оживленный характеръ. Новый, звуковой методъ нѣлъ уже горячихъ сторонниковъ въ лицѣ молодыхъ педагоговъ, примѣнявшихъ съ успѣхомъ этотъ методъ въ только-что народившейся правильно организованной народной школѣ. Но такъ какъ комитетъ не приналежалъ къ окончательно заключенію о преимуществѣхъ того или другаго метода, то рѣшено было произвести параллельный опытъ обученія неграмотныхъ по тому и другому методу въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Рѣшеніе это было приведено въ исполненіе: были организованы двѣ группы изъ неграмотныхъ мальчиковъ, которые въ теченіе шести недѣль обучались грамотѣ и арифметикѣ: одни—по методу А. Н. Толстого, другіе—по звуковому методу и методу Евтушевскаго. Первая группа велась П. В. Морозовымъ, лицомъ, рекомендованнымъ самимъ А. Н.; вторую группу велъ М. А. Протопоповъ.

7-го апрѣля 1874 г. было произведено испытаніе успѣховъ обоихъ группъ особой комиссіей, избранной комитетомъ грамотности, подъ предѣлательствомъ Ѳ. П. Размашинова, но и эта комиссія не пришла къ опредѣленному рѣшенію относительно достоинствъ того и другаго метода на основаніи успѣховъ учениковъ.

Тотъ же вопросъ о достоинствахъ обоихъ методовъ комитету пришлось вновь обсуждать въ засѣданіи 13-го апрѣля 1874 г. въ присутствіи А. Н. Толстого. А. Н. произнесъ большую рѣчь, въ которой указалъ на рядъ допущенныхъ ошибокъ при организаціи опыта по двумъ различнымъ методамъ, и закончилъ свою рѣчь такими словами: «Очень можетъ быть, я даже увѣренъ, что звуковой способъ преподаванія будетъ продолжаться еще очень долго, но я думаю, что чѣмъ скорѣе откажемся мы отъ этого способа, тѣмъ будетъ лучше, такъ какъ онъ только можетъ задерживать дѣло народнаго образованія».

которымъ народнаго образованія двухъ послѣднихъ десятилетій рѣшилъ этотъ спорный вопросъ о методахъ не въ пользу А. Н. Толстого. Тамъ же не только имѣли толкованія, высказаннаго А. Н. получило при этомъ звуковому методу, несомненно, будетъ воспринимать русская жизнь при созданіи новой школы, которая будетъ построена на каменяхъ «нашимъ вѣнчаніемъ» свободѣ учащихся и учителей.

С. Стороженко

Русскія Вѣдомости 31-го апр. 1908

Р. В. 31-46. 1908

28-е августа въ Ясной Поляне.

Природа въ Ясной Поляне окружила радостно сверкающей рамою очаровательно-прекрасного золотого осеннего дня 80-мидесятилетіе Льва Николаевича. Съ раннего утра двери, выходящія изъ кабинета его на балконъ, были широко открыты, и хрустально-чистый воздухъ широкими теплыми волнами лился въ кабинетъ, гдѣ съевъ въ свое кресло, Левъ Николаевичъ пересматривалъ письма и телеграммы.

Въ это время его поздравляли роины, потомъ В. Т. Чертковъ представилъ ему г. Райта, привезшаго изъ Англіи покрытый многими сотнями подписей адресъ отъ англійскихъ почитателей Толстого. Въ числѣ подписей нохъ этимъ адресомъ стояли имена многихъ извѣстнѣйшихъ писателей и дѣятелей Англіи (между прочимъ извѣстныхъ романистовъ: Томаса Гарди, Мерседита, Уэльса, поэта Эдгарда Карпентера, Мекензи Уоллеса, Бернарда Шоу, философа Фредерика Гаррисона, Кенпана и мн. др.). Въ числѣ подписавшихъ стояли имена ученыхъ, литераторовъ, общественныхъ дѣятелей, членовъ парламенту, членовъ палаты лордовъ, членовъ выдающихся клубовъ социальныхъ реформъ и рабочей партіи, священниковъ государственной англиканской церкви и неконформистскихъ, т. е. свободныхъ исповѣданій, подписей извѣстныхъ художниковъ, музыкантовъ, актеровъ, представителей труда, промышленности, кооперации и т. д. и т. д. Между подписями взрослыхъ видѣлись и дѣтскія подписи.

Вотъ полный текстъ англійскаго адреса:

«Мы, нижеподписавшіеся, и множество нашихъ соотечественниковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ находившіе въ вашихъ сочиненіяхъ источникъ благородныхъ чувствъ и высокаго наслѣдія, въ 80-мидесятилѣтній день вашего рожденія желаемъ выразить вамъ не только расположеніе, которое мы чувствуемъ къ вамъ, но также наше изумленіе передъ вами, какъ передъ писателемъ и учителемъ правдивости.

«Смѣлость и искренность, съ какою вы представляли прехъ человечеству новое и возвышенное идеалы, заставляли миръ полюбить васъ.

«Мы видимъ, что еиута почти столѣтіе время хотѣтъ освѣтитъ красоту и истину вашего многосторонняго труда, и мы радуемся, что ваши сочиненія теперь читаются болѣе, чѣмъ когда-либо. Они привлекаютъ къ себѣ сочувствіе и расположеніе людей, значительно расходящихся во мнѣніяхъ, и они восторгаются ими съ различныхъ точекъ зрѣнія.

«И вотъ мы подписываемъ здѣсь наши имена какъ ваши доброжелатели и почитатели, а нѣкоторые изъ насъ—какъ ваши признательные ученики».

Затѣмъ Левъ Николаевичъ началъ свой рабочий день. Онъ работалъ въ этотъ день удивительно много для своихъ, поемному только еще брѣвущихъ послѣ болѣзни силъ. Изъ было подготовлено 17 новыхъ вѣсть для новаго «Круга чтенія», предназначеннаго для

широкихъ народныхъ массъ. Этотъ «Кругъ чтенія» по замыслу автора является какъ бы синтезомъ всей его духовной работы. Во время самыхъ тяжелыхъ дней болѣзни падавшимъ отъ слабости голосомъ онъ продолжалъ диктовать мысли для этого труда.

Въ заѣхъ на столѣхъ, на роинъ лежали папки съ только-что пришедшими адресами: отъ Общества любителей россійской словесности, съ особеннымъ интересомъ читавшей семью Льва Николаевича, Общества дѣятелей періодической печати, Общества любителей художествъ съ альбомомъ, рисунковъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, специально для него нарисованныхъ, и др.

На одномъ изъ оконъ стояло интересное подшошеніе Льву Николаевичу—заказанный на трудовые деньги офиціантами сада «Фарсъ» молхлюровый самоваръ съ вырѣзанными на немъ изреченіями: «Царство Божіе внутри насъ есть», «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», «Не такъ живи, какъ хочешь, а какъ Богъ велѣтъ» и нѣмгъ перечисленіе именъ поднесшихъ. На самоварѣ висѣло шитое русскимъ узоромъ полотенце съ такими же подписями. Присланы ими были еще прочувствованный адресъ, Сотни приветственныхъ писемъ, адресовъ, телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи и многочисленныя письма изъ-за границы лежали уже просмогрѣныя въ шкафу для корреспонденціи. Все время изъ Засѣки, Яснополя, Тулы привозились новыя папки писемъ и множество телеграммъ.

28-го было получено около 500 телеграммъ, въ числѣ которыхъ множество телеграммъ отъ городскихъ, земскихъ, научныхъ, литературныхъ, образовательныхъ учреждений, гимназій, школъ, всевозможныхъ собраний, союзовъ, группъ лицъ всевозможныхъ положеній и профессій и между прочимъ множество привѣтствій отъ рабочаго люда очень многихъ фабрикъ и заводовъ и крестьянъ съ разныхъ концовъ деревенской Россіи. Утромъ только сегодня, 29-го, изъ Тулы было привезено около тысячи телеграммъ, и между ними въ огромномъ числѣ заграничныя, какъ болѣе сложныя для разборки, задержанныя доставкой. Но дѣло, разумѣется, не въ числѣ ихъ, не удивительномъ при огромной популярности Толстого во всемъ мѣрѣ.

Само собою разумѣется, что огромное большинство привѣтствій чувствуется Толстого и какъ геніальнаго художественнаго тверда, но Толстой какъ аистотъ любви, пророкъ братства, великій борецъ съ насилиемъ и «властью тьмы» (слова, особенно часто повторяемыми въ телеграммахъ) чувствуется прежде и превыше всего. Для этого стоитъ только бросить самый блѣдный взглядъ на эти огромныя папки телеграммъ и писемъ.

Возвращаясь къ вчерашнему дню.

Около дома толпились яснополянскіе ребятишки, получившіе утромъ по коробкѣ конфетъ съ видами Ясной Поляны, присланныхъ для нихъ для этого дня изъ Петербурга. Жоржемъ Борманомъ (взрослымъ же крестьянамъ получили по косябъ изъ сотни косябъ, присланныхъ съ этого цѣлю однимъ фабрикантомъ косябъ съ вѣта).

Собравшіеся потомъ на балконѣ дома, ребятишки съ шумнымъ всеодемъ разбирали себѣ для чтенія книжки изъ груды «посредниковскихъ» дѣтскихъ книжекъ, принесенныхъ для нихъ изъ дома.

До обеда въ Ясную Поляну съѣхались все сыновья Льва Николаевича (исключая Льва Львовича, гостящего въ Швейцарии у отца больной въ данную минуту своей жены). Старшая дочь Льва Николаевича Татьяна Львовна недавно только приѣхала въ Ясную Поляну навестить больного отца и провести съ матерью день ее рождения.

Кроме семьи и родныхъ въ Ясной Поляне было только нѣсколько (очень немного) изъ наиболее близкихъ Льву Николаевичу его друзей, проводящихъ лѣто въблизи него.

Въ обѣду Левъ Николаевичъ выѣхалъ на своемъ подвижномъ креслѣ, которое было поставлено такъ, что онъ могъ видѣть всѣхъ сидящихъ за столомъ. Передъ началомъ обѣда онъ дружески бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ гостей.

Послѣ того какъ онъ побылъ послѣ обѣда немного одинъ у себя въ кабинетѣ, его опять вывели въ залу, гдѣ онъ и оставался въ теченіе двухъ часовъ. Сначала, чтобы не утомляться, много разговаривая, Левъ Николаевичъ игралъ въ шахматы съ А. Б. Гольдштейнсомъ, частымъ его шахматнымъ партнеромъ. Потомъ онъ бесѣдовалъ на разные темы съ нѣсколькими собравшимися около него гостями.

Бывшій среди нихъ переводчикъ сочиненій Генри Джорджа С. Д. Николаевъ обратилъ особое вниманіе Льва Николаевича на пришедшій въ этотъ день замѣчательный по содержанию своему адресъ, содержавшій въ себѣ привѣтствіе Льву Николаевичу отъ союза австральскихъ лигъ земельной реформы («Единого налога»), подписанное председателемъ и секретарями всѣхъ земельныхъ федераций Австраліи. Левъ Николаевичъ, прочитавшій адресъ, этотъ день только маленькомъ, просилъ теперь принести его вновь, перечелъ его съ глубокимъ цинчаніемъ и сейчасъ тутъ же, въ залѣ, среди общаго кругомъ оживленнаго разговора, продиктовалъ своему секретарю Н. Н. Гусеву отвѣтъ, говорившій о томъ, что онъ радъ ихъ добруму къ нему отношенію и что онъ до послѣднихъ дней своихъ будетъ работать для общаго съ ними дѣла освобожденія земли отъ частной собственности.

Въ австральскомъ адресѣ говорилось: «Глубокоуважаемый учитель!»

«Мы, ученики и послѣдователи Генри Джорджа со всей Австраліи, называющіе себя сторонниками единого налога, желаемъ присоединиться къ тѣмъ выраженіямъ любви и уваженія, которыя будутъ пестить къ вамъ со всѣхъ концовъ міра въ тотъ день, когда вы достигните почтеннаго 80-тилѣтняго возраста».

«Исторія знаетъ немного людей, которыхъ Богъ одарилъ бы такимъ гениемъ, какимъ обладаете вы, и того менѣе — людей, которые отдавали бы свой гений на служеніе столь благороднымъ дѣламъ. Какъ великая нравственная сила того историческаго періода, который мы переживаемъ, вы господствуете надъ королями и властителями и будете направлять человѣческую жизнь въ то время, когда они и дѣла ихъ будутъ забыты. Ваша любовь къ собратьямъ-людямъ, ваша готовность выступать на защиту всѣхъ угнетенныхъ, повсюду воспламеняла отзывную любовь въ сердцахъ людей, жизнь которыхъ приобрѣла смыслъ и желанія которыхъ облагораживались благодаря вашему прихвѣту и ученію».

«Богъ мы узнали, что вы приняли также ученіе нашего дорогого покойнаго учителя Генри Джорджа, мы съ большой смѣлостью стали отстаивать тѣ идеалы, къ которымъ мы стремимся, и съ большой увѣренностью стали думать о наступленіи того царства правды, въ которомъ справедливость будетъ закономъ общественныхъ отношеній и любовь — закономъ личныхъ отношеній между людьми».

«Но только намъ, но и всѣмъ искренно стремящимся многообразными путями улучшить міръ тѣхъ, которые придутъ въ него послѣ насъ, ваша жизнь и наше ученіе будутъ источникомъ вдохновенія и останутся имъ на все вѣка. Когда же наступитъ время, и вы присоединитесь къ отцамъ вашимъ, это вдохновеніе и память о васъ будутъ сохраняться среди челоѣчества, какъ самое драгоценное его достояніе».

«Но да будетъ далеко этотъ день и да продлятся вамъ годы радостнаго служенія высочайшимъ интересамъ вашихъ собратьевъ-людей».

Прослушавъ, потомъ сыграннымъ ему, по его просьбѣ, А. Б. Гольдштейнсомъ дѣмъ фортепьяннаго пьесы, Левъ Николаевичъ воспрянулъ къ себѣ.

Вскорѣ послѣ этого разошлись и разошлись все остальные.

На другой день съ ранняго утра Левъ Николаевичъ уже былъ за работой, диктуя своему секретарю.

Вскорѣ, вѣроятно, онъ уже будетъ въ состояніи работать самъ за своимъ письменнымъ столомъ, такъ какъ вчера онъ уже всталъ на короткое время на ноги. Въ креслѣ домашній врачъ Д. Макавицкій просилъ его побывать еще только изъ предосторожности.

А привѣтствія изъ всѣхъ концовъ міра все прибываютъ и прибываютъ въ Ясную Поляну...

И. Горбуновъ-Посадовъ.

Ряз. Ред. 31-го. 1908

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

Намъ доставлены еще копия нѣсколькихъ адресовъ и телеграммъ Л. Н. Толстому:

отъ тифлискаго городского головы: «Городская училищная комиссия постановила назвать одну изъ городскихъ школъ вашимъ именемъ, приобрести для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ городскихъ школъ полное собраніе вашихъ сочиненій, раздать всѣмъ учащимся этихъ школъ популярныя ваши сочиненія на русскомъ и туземныхъ языкахъ, приобрести ваши портреты и устроить въ школахъ литературныя утра, посвященныя вашимъ произведеніямъ. Доношу вамъ отъ имени городского обществаннаго управленія горячее поздравленіе съ исполняющимся 80-тилітнімъ вашей драгоцѣнной жизни и выражаю преклоненіе наше передъ силой вашего могучаго гения, обогатившаго мировую литературу великими произведеніями, направленными къ освобожденію человечества отъ власти тьмы: отъ московскаго биржеваго комитета; Общества опителей печати и литературы (адресъ); перваго московскаго осенняго клуба («Идея свободы личности, которою проникнуты всѣ ваши бессмертныя произведенія, особенно близки женщинамъ, до сихъ поръ ограниченной въ своихъ правахъ, и члены женскаго клуба счастливы сказать великому учителю отъ имени русской женщины сердечное спасибо»); профессоровъ Кузмина и Худикова; Общества «Dom Polski» въ Москвѣ; моск. комиссіи по организаціи домашняго чтенія; моск. студенческаго комитета чествованія Толстого; группы врачей, учителей, техниковъ и др. изъ Царичина; группы служащихъ московск. отдѣла Сибирскаго банка; булскаго санитарнаго общества; группы писателей въ г. Шуль (около 70-ти подписей); группы рабочихъ въ Калугѣ; группы одеситовъ; учителя изъ Курск. губ.

— Подъ сансационнымъ заголовкомъ «Манифестъ русскаго правительства о Толстомъ» *Berliner Tageblatt* передаетъ слѣдующее телеграфное сообщеніе своего петербургскаго корреспондента: Святѣйшій синодъ, — пишетъ корреспондентъ, — какъ оказывается, выпустилъ свое посланіе по поводу юбилея Толстого безъ вѣдома председателя совѣта министровъ, узнавшаго о немъ только изъ газетъ. Не одобряя будто бы образа дѣйствій синода, а также будучи недоволенъ самовольными дѣйствіями многихъ провинціальныхъ властей, П. А. Столыпинъ разослалъ губернаторамъ циркулярную телеграмму, предлагая имъ не препятствовать чествованію Толстого. Въ высшихъ сферахъ послѣ означенія съ посланіемъ св. синода было выражено будто бы желаніе, чтобы чествованіе Толстого свободно допускалось. Если сообщеніе берлинской газеты соответствуетъ дѣйствительности, то въ немъ могло бы найти себѣ объясненіе кое-что до сихъ поръ непонятное, — наприимѣръ, неожиданный приливъ чувствъ у *Нового*

Времени. Съ другой стороны, оно возбуждаетъ и сомнѣнія въ виду очевидной безрезультатности телеграфнаго «манифеста» во многихъ мѣстахъ нашего отечества.

Ред. Вѣст. 31-го дѣк. 1906

64

Харьков, 31 августа 1903 г.

Быть может, ни
Двѣ Россіи. одинъ моментъ въ
жизни нашей роди-
ны такъ рельефно не отъѣялъ су-
ществованія двухъ Россій, какъ
это случилось въ день 28-го ав-
густа.

Новая Россія, Россія будущаго,
стремящаяся къ свѣту, правдѣ,
добрѣ, счастью и величію своей
страны—она всѣмъ сердцемъ сво-
имъ, всѣми своими помыслами,
пребывала въ Ясной Полянѣ и, въ
единеніи со всѣмъ міромъ, чество-
вала того, кто въ теченіе всей
своей многолѣтней жизни будилъ
человѣческую мысль, заставлялъ
ее пылливо стремиться къ истинѣ,
кто возставалъ противъ косности,
застоя и рабства во всѣхъ его про-
явленіяхъ.

Другая Россія, старая, крѣпостни-
ческая, лелѣющая мечту о возвра-
тѣ къ мрачнымъ отдаленнымъ вре-
менамъ, боящаяся малѣйшаго дви-
женія мысли и проблеска лучей
свободы,—эта Россія 28 августа съ
ужасомъ и проклятіями смотрѣла
на Ясную Поляну.

Въ лицѣ великаго писателя, со-
средоточившаго на себѣ вниманіе
всего земного шара, она основа-
тельно видѣла и видитъ своего
злѣйшаго, непримиримаго врага.

На чьей-же сторонѣ была побѣда
28 августа?

Несомнѣнно, на сторонѣ новой
Россіи.

Не смотря на всѣ усилія со
стороны Россіи крѣпостнической,
на всю физическую поддержку, ко-
торую она получила отъ духовной
и гражданской бюрократіи, не взи-
рая на угрозы со стороны реакціон-
ной прессы, молодая Россія обошла
всѣ препятствія и оказала гр. Л. Н.
Толстому тотъ почетъ и то уваже-
ніе, которые ему подобаютъ.

Къ 28-му августа со всѣхъ уг-
ловъ нашей необъятной родины
отъ представителей новой Россіи
въ Ясную Поляну широкой могу-
чей рѣкой полились привѣтствія и
поздравленія.

Вся новая Россія, имѣющая мил-
ліоны читателей, 28-го августа по-
святила Толстому свои номера, а
журналы сдѣлали это еще ранѣе.

Старой крѣпостнической Россіи
пришлось умолкнуть при видѣ тор-
жества своей молодой, полной си-
лы и надеждъ соперницы и даже
бить отбой, чтобы какъ нибудь
скрыть позоръ не только передъ
родиной, но и передъ всѣмъ цивили-
зованнымъ міромъ, чествовав-
шимъ Толстого вмѣстѣ съ молодою
Россіею.

Нѣкоторые реакціонные органы
стали писать на ту тему, что „оп-
позиціонное движеніе“ „примазало-
сь“ къ Толстому, что послѣдній
чуть-ли не „ихъ“ человекъ.

Затѣмъ, — какъ мы упоминали
уже въ предыдущей статьѣ, — ста-
ли появляться извѣстія, что, якобы,
никакихъ препятствій къ чествова-
нію Толстого и не было, а произо-
шло какое то „печальное недоразу-
мѣніе“ и т. д. и т. п.

И все это, повторяемъ, доказы-
ваетъ, что велика сила новой Рос-
сіи, что будущее, во всякомъ слу-
чаѣ, за нею.

Да и можетъ-ли быть иначе?

Гдѣ видано, чтобы отжившее воз-
рождалось?

Оно можетъ влечить свое суще-
ствованіе, можетъ даже на нѣкоторое
время тормозить ходъ новой
жизни, но гибель его несомнѣнна.

Утро (Харьковский вѣстникъ) 31-го. 1908

О 28 августа въ Ясной-Полянѣ. Изъ
Тулы намъ пишутъ: Л. Н. Толстой еще не
принимаетъ посетителей: принимаетъ ихъ за
него сынъ Л. Н. Андрей Львовичъ. Изъ
массы адресовъ Л. Н. особенно поправился
адресъ офицантовъ изъ „Фарса“, которые
вмѣстѣ съ адресомъ прислали Л. Н. чашку
и полотенце. Между многочисленными адре-
сами Л. Н. получалъ адресъ изъ Австраліи
отъ послѣдователей Генри Джоржа, изъ Лон-
дона отъ 700 англійскихъ литераторовъ.

Утро 31-го. 1908

Содѣйствіемъ журналистовъ

Всѣмъ членамъ съѣзда ро-
зданы коллекціи открытокъ съ пор-
третами Толстого. Къ концу съѣзда
прибылъ П. Н. Милуковъ. Онъ былъ
встрѣченъ, по предложенію Гриба-
ря, сердечной манифестацией.

Утро 31-го. 1908

— Толстой говорить въ Аннѣ Ка-
рениной:—Весна—время плановъ и
предположеній. Да, онъ правъ, вѣ-
роятно, какъ деревенскій житель,
петербуржецъ и въ особенности пе-
тербуржецъ-литераторъ непременно
поправитъ эту мысль.

— „Конекъ августа—время пла-
новъ и предположеній“.

Утро 31-го. 1908

Къ чествованію 80-лѣтняго юбилея
гр. Л. Н. ТОЛСТОГО.

(28 Августа, 1908 г.).

Великолѣпный подарокъ для взрослыхъ и юношества.

Продается книга П. А. СЕРГѢЕНКО

„Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой“.

Роскошное изданіе на велен. бум., съ 50 портр. и рис., частью съ карт. и наброск. художниковъ Рѣпина и Пастернака, и 2-ми автор. Книга въ великолѣпной худож. обложкѣ, вполне замѣняющей переплетъ, и кромѣ того, каждая въ худож. бум. пакетѣ.

Вмѣсто 2 руб. 80 коп. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Книжн. магазинамъ, библиотеч. и учебн. и просвѣт. учрежд. уступка.

Складъ книги: г. Тверь, уголъ Козьмодемьянской ул., и Ильинскаго пер., д. Нечаева, въ конторѣ журнала „Страховое Дѣло“.

Здѣсь же принимается подписка на журналъ „Страховое Дѣло“, годъ 2-й изданія; цѣна 6 р. за годъ, на полгода — 3 р. на 3 мѣс. — 1 р. 75 к.

9541 4-2

Утро 31го Авг. 1908

Административное распоряженіе.

Какъ сказано „Бирж. Вѣд.“, П. А. Столыпинъ въ отвѣтъ на телеграмму московскаго городского головы М. П. Тучкова по поводу съездовъ А. Н. Толстого высказался въ вѣдомостяхъ фронту, что съезды Ваніи Лева Николаевича не могутъ имѣть нѣкогого повода, но безъ всякихъ митинговъ и собраний или демонстрацій.

Утро (Харькова) 31го Авг. 1908

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

Привѣтствія изъ заграницы.

— Берлинъ. Чествованіе Л. Н. Толстого въ ратушѣ явилось сплоснымъ триумфомъ юбиляра. Колоссальный залъ не могъ вмѣстить гостей. Пришлось раскрыть двери въ корридоры. Присутствовали весь литературный, художественный и научный Берлинъ. Предсѣдатель вечера профессор Меркель прочелъ прекрасный рефератъ. Онъ охарактеризовалъ Толстого, какъ художника, мыслителя, поэта и моралиста, указавъ на бессмертность его творчества, на неизсякаемость его могучаго гения. Дальше шла богатая программа. Читались и декламировались произведенія юбиляра. Между прочимъ, лучшие отрывки изъ „Войны и мира“, „Крейеровой сонаты“, „Анны Карениной“. На устроенномъ послѣ вечера банкетѣ были произнесены рядъ блестящихъ рѣчей. Рѣшено послать Л. Н. Толстому привѣтственную телеграмму, текстъ которой поручено выработать группѣ литераторовъ. Сегодня въ „Лессингъ-театрѣ“ идетъ „Власть тьмы“ съ лучшимъ составомъ исполнителей. Въ пятницу и субботу предполагается чествованіе Л. Н. Толстого литературными и театральными кругами. Нѣмецкіе издатели Толстого выпустили юбилейные изданія избранныхъ произведеній юбиляра. На улицахъ продаются открытки съ портретами писателя. Даже заведомо русофобскіе органы печати посвятили статьи юбиляру.

Не менѣе тепло привѣтствуютъ юбиляра и органы рабочей партіи. „Vorwärts“ кончаетъ обширную передовую статью словами: „Удивительные памятники искусства Толстого, его ученіе о любви къ человеку, ненависти къ несправедливости будутъ вѣчно блистать драгоценными перлами. Рабочій классъ можетъ съ благоговѣніемъ привѣтствовать престарѣлаго писателя и съ радостнымъ сердцемъ выразитъ ему свое глубокое уваженіе“.

— Христіанія. Всѣ газеты посвятили Л. Н. Толстому восторженные статьи. „National-Teater“ посвящаетъ юбиляру сегодняшний вечеръ въ театрѣ. Будутъ, между прочимъ, исполнены произведенія Чайковского.

— Гельсингфорсъ. Посланы привѣтственные телеграммы Л. Н. Толстому отъ финскаго театра, союза финскихъ журналистовъ, союза финскихъ писателей.

— Люблина. Съѣздомъ славянскихъ журналистовъ отправлена Л. Н. Толстому привѣтственная по случаю юбилея телеграмма:

„8-й съездъ славянскихъ журналистовъ, собравшихся въ Люблинѣ, привѣтствуютъ единодушнымъ постановленіемъ графа Льва Николаевича Толстого по поводу 80-лѣтней годовщины его рожденія и шлетъ ему выраженія глубокаго уваженія и чистосердечной преданности съ пожеланіемъ, чтобы знаменитый писатель прожилъ еще

долгіе годы, трудясь на благо своего русскаго народа, славянства и всего человечества“.

Привѣтствія изъ столицы.

— Петербургъ. Всѣ сегодняшнія газеты выпустили толстовскіе номера. Въ „Русск. Инв.“ также помѣщены двѣ статьи, посвященныя Толстому. Въ нихъ между прочимъ газета говоритъ: „Мы, военные, обязаны Л. Н. Толстому лучшими картинами войны, лучшими описаніями нашего военнаго быта. Мы, внимательные ученики правды военной, мы, угнетенные читатели его произведеній, вспомнимъ его сегодня, теперь 80-лѣтняго старца, 36 лѣтъ тому назвалъ молодого артиллерійскаго офицера, въ простой избѣ на линіи кавказской написавшаго свое первое произведеніе. Вспомнимъ и перечтемъ его „Шенграбенъ“, „Бородино“, „Тарутино“ и переживемъ съ нимъ вмѣстѣ эти великіе моменты нашей военной исторіи и пожелаемъ ему еще на многіе годы сохранить здоровье и литературную мощь“.

— Въ засѣданіи совѣта университета, назначенномъ на 3-е сентября, рѣшено произвести выборы Л. Н. Толстого въ почетные члены университета.

— Рабочіе завода Вейнбергъ пожелали прекратить работы 28 августа по случаю юбилея Толстого. Выѣсто этого они выразили желаніе отработать въ какой-нибудь праздничный день. Владелецъ завода на это согласился.

— Москва. Московская уѣздная земская управа послала въ Ясную Поляну слѣдующую телеграмму: „Присоединяя свой скромный голосъ къ общему хору русскаго общества, чествующаго счастливый для Россіи день рожденія гениальнаго учителя и художника, и глубоко вѣря, что ваше слово любви и мира никогда не исчезнетъ изъ сознанія русскаго народа, личный составъ московской уѣздной земской управы и служащіе при управѣ шлютъ вамъ пожеланія благоденствія на долгіе годы“.

— Московскимъ Художественнымъ театромъ отправлена Л. Н. Толстому телеграмма нижеслѣдующаго содержанія:

„Художественный театръ кланяется вамъ сегодня, великій учитель, въ глубокомъ сознаніи, что всѣ художественные пути нашего времени ведутъ къ вашему имени, какъ всѣ дороги когда-то вели къ Риму. Какъ бы странно ни бросались мы въ сторону отъ большой дороги, какъ бы, на первый взглядъ, не измѣняли вѣрному направленію, всегда мы только ищемъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, кратчайшій и красивѣйшій изъ путей къ тому, что составляетъ сердце и умъ русскаго искусства и что воплотилось въ вашей гигантской личности. И въ споническомъ творчествѣ, какъ въ литературѣ, послѣдній предѣлъ мы видимъ въ искреннѣйшемъ признаніи совѣсти, въ трудолюбивомъ исканіи правды жизни, въ сильной, вѣрной духу и характеру выразительности. Этотъ завѣтъ міръ получилъ отъ васъ и за него нашъ театръ плетъ вамъ благодарность изъ тѣхъ чистѣйшихъ источниковъ своей души, откуда исходятъ только любовь и молитва“.

Привѣтствія изъ провинціи.

— Екатеринославъ. Всѣ газеты, даже черносотенныя, посвящены Толстому. Посланы привѣтствія научнымъ обществомъ, желѣзнодорожными службами и редакціями. Въ театрѣ илеть „Власть тьмы“.

Нижній-Новгородъ. Въ коммерческомъ клубѣ запрещенъ семейный вечеръ, на которомъ предполагалось поставить отрывки „Плоды просвѣщенія“ и „Крейперову сонату“.

— Казань. Толстовскій день отмѣченъ юбилейными номерами прогрессивныхъ газетъ и привѣтствіями различныхъ общественныхъ группъ. Общество народныхъ университетовъ рѣшило организовать толстовскія лекціи въ октябрѣ.

— Курскъ. Въ собраніе общества курскихъ врачей, состоявшееся по поводу чествованія юбилея Л. Н. Толстого, явилась полиція и потребовала, чтобы собраніе разошлось.

— Симферополь. 28-го августа жѣтнія газеты посвящены юбилею Льва Николаевича Толстого. „Крымскій вѣстникъ“ вышелъ въ двойномъ форматѣ, съ портретами писателя. Севастопольская Дума избрала Толстого, какъ бывшаго защитника Севастополя, почетнымъ гражданиномъ города Севастополя и постановила украсить залу засѣданій думой портретомъ маститаго писателя и послать юбиляру привѣтственную телеграмму.

— Кишиневъ. При огромномъ стеченіи публики въ театрѣ состоялось въ часть дня чествованіе восьмидесятилѣтія Л. Н. Толстого. Прочтены 3 доклада и послано нѣсколько привѣтственныхъ телеграммъ.

— Витебскъ. Дума сегодня отправила привѣтственную телеграмму Л. Н. Толстому.

— Астрахань. Юбилей Л. Н. Толстого отмѣченъ только прессой.

— Ярославль. Юбилей Толстого ничѣмъ не отмѣченъ. Газеты по независящимъ обстоятельствамъ обошли его молчаніемъ.

— Уфа. Губернская управа отправила сегодня Л. Н. Толстому слѣдующую телеграмму: „Чрезвычайное уфимское губернское земское собраніе, высоко чтя ваши заслуги не-

редѣ тьмѣ, съ глубокимъ и искреннимъ признаніемъ въ губерніи въ народѣ, какъ въ дѣлѣ, такъ въ жизни, и поручило управѣ привѣтствовать васъ въ день 80-лѣтія. Губернская управа съ глубокимъ исповѣданіемъ признанія и почтительности, какъ доброго и чистого члена, не только Россіи, но всего человѣчества.“

— Ковна. Съ юбилейнымъ печатнымъ листомъ, отправилъ Л. Н. Толстому телеграмму, привѣтствуетъ его какъ великаго провидѣннаго работника, брата и справедливости.

— Варшава. Изъ всей мѣстной печати одинъ „Варшавскій Курьеръ“ публикуетъ слѣдующія Л. Н. Толстому нѣсколько строкъ ободрительнаго характера.

— Рига. Торжественная телеграмма по случаю Толстому рижское литературное художественное общество, объединившее собой представителей литературы и искусства, въ знакъ симпатій Прибалтійскій край національностей.

Русская, литовская и латышская печать говоритъ о Л. Н. Толстомъ какъ о великомъ членѣ.

— Юбилей Толстого прошелъ тихо, въ семейномъ кругу. Нѣсколько телеграммъ не доставили Толстому, за не рѣшительнаго адреса.

Утро 31-го Авг. 1906

Въ Ясной Поляне.

Московскія газеты со словъ Горбунова-Посадова, находящагося сейчасъ въ Ясной Поляне, даютъ характерную обрисовку адресовъ и писемъ, присланныхъ Л. Н. Толстому со всѣхъ концовъ міра.

Главная нота, проникающая адреса и письма отъ группъ и отдѣльныхъ людей, это—безкомпромиссная благодарность за его гигантскую, героическую борьбу,—борьбу за водвореніе сѣтя любви надъ человѣчествомъ.

«Привѣтъ отъ американскихъ друзей,—говорится въ телеграммѣ изъ Чиндигати,—гуманистическому, величайшему учителю, защитнику всемірнаго братства, врагу всякой тираніи, поборнику принциповъ Георга Джорджа, закладывающему основанія экономической свободы и приближающему день справедливости и мира».

Вотъ глубоко-трогательное, совершенно безгрѣшное въ оригиналѣ написанное крестьянское посланіе:

«Поздравленіе въ Ясную Поляну, графу Л. Н. Толстому. Левъ Николаевичъ, примите отъ насъ, маленькихъ, скромныхъ тружениковъ-крестьянъ, глубокое душевное и сердечное поздравленіе съ днемъ вашего юбилея 80-лѣтія, празднуемаго вами и почитателями вашими. Да укрѣпятъ Богъ ваши старческие силы на радость вашей семьи и окружающимъ васъ и тѣмъ почитателямъ, которые вамъ дорожатъ и любятъ какъ великаго писателя и великаго христіанина, давшего міру столько великаго христіанскаго поученія. Мы всегда радуемся душевно, что Богу было угодно въ лицѣ вашего проявить міру великаго христіанина, давшего міру бесмертное христіанское великое поученіе и свой великій примѣръ въ разумной жизни. А если есть у насъ враги, то они были у всѣхъ великихъ учителей міра и были у Христа. И есть они и сейчасъ, враги Христа, устанавливающіе адъ, но ваше христіанское ученіе разрушаетъ ихъ заколдованный адъ, и сѣтья Христова вновь засылаютъ великихъ святыхъ, благодаря вашей великой правдѣ, и люди, понявши васъ и ваше великое поученіе, могутъ только преклоняться предъ вами и любить васъ и радоваться, что Богъ послалъ для Россіи великаго чело-вѣка. Но розняа не благодарна: за-то міръ васъ иначе почитаетъ. Зная, что вы получили со всѣхъ концовъ міра поздравленія, осылаемые и мы, маленькіе люди, какъ почитатели ваши, принести искреннѣйшее, скромное поздравленіе.

Простите, какъ ушли выразить нашу къ вамъ любовь, такъ и просить принять». Крестьяне (рядъ подписей).

И десятки проникнутыхъ такими же чувствами привѣтовъ изъ глубины моря рабочаго, трудового народа.

Вотъ привѣты изъ Германіи,—привѣты, посылаемые сердечными пожеланіями долгой долгой еще жизни тому, «чья жизнь дорога не для Россіи, а для всего чело-вѣчества», тому, кто несетъ чело-вѣчеству ученіе, «дающее міру миръ».

И изъ другой страны, изъ Англіи, идутъ горячія выраженія благодарности «тому, кто такъ помогъ въ сдѣланіи Христу, въ осуществленіи въ жизни Нагорной проповѣди, учашей любить враговъ, какъ своихъ ближнихъ».

Люди разныхъ классовъ, разныхъ положеній, сливаются въ одною братскомъ чувствѣ любви къ тому, кто зоветъ ихъ всѣхъ къ забытой любви.

Но вотъ письма, говорящія, что любовь безъ дѣлъ мертва. Вотъ письмо одной бывшей классной нагляднательницы изъ маленькаго городка Россіи, пишущей, что у нея не хватаетъ словъ для выраженія благодарности Льву Николаевичу, но она «хочетъ принять заботу о больномъ ребенкѣ только ради того, чтобы получить возможность участвовать добрымъ дѣломъ въ радости по поводу вашего 80-лѣтія».

Вотъ голоса грациознаго чело-вѣчества: трогательное письмо еврейскихъ юношей, нѣкое письмо дѣвочки-гимназистки, благодарящей Л. Н. «за все, что вы сдѣлали для насъ, молодежи». Вотъ трогательныя письма до-

горающихъ жизнью,—письмо старика, бывшего военнаго генерала, благодарящаго Л. Н. за все сдѣланное имъ для торжества правды на землѣ.

Въ этой любви, въ этой благодарности сливается здѣсь прошедшее и грядущее, сливаются люди разсѣянные по всей землѣ племенъ, націй и государствъ. Въ этомъ единеніи ихъ прообразъ того грациознаго единенія чело-вѣчества, для котораго, быть-можетъ, никто въ мірѣ не сдѣлалъ столько, сколько сдѣлалъ Левъ Толстой.

«Буде здоровъ, дорогой дѣдушка, для счастья народовъ,—пишетъ одинъ изъ читателей его работъ.—Для меня и многихъ другихъ людей вы уже, дорогой дѣдушка, никогда не умрете».

Одна любовь не умираетъ, и великая любовь Толстого останется вѣчно жить въ объединенномъ чело-вѣчествѣ и тогда, когда льды несконно время исчезнутъ, можетъ-быть, послѣдніе слѣды и его славы въ чело-вѣчествѣ.

Телеграммъ пока получено свыше шестисотъ. Въ большинствѣ случаевъ каждыя телеграмма послана 300—7,000 липами. 25 извѣстныхъ русскихъ художниковъ прислали Льву Николаевичу роскошный альбомъ собственноручныхъ рисунковъ. Левъ Николаевичъ чувствуетъ себя бодро, просматриваетъ адреса, картины, телеграммы. Около трехъ часовъ для оныхъ уступивъ настоятельнымъ просьбамъ прѣхавшаго изъ Петербурга владѣльца синекатографа, позволивъ вывести себя въ креслѣ на балконъ и свѣтъ. Затѣмъ онъ былъ снятъ съ семей и Чертовыми. Во время сеанса Левъ Николаевичъ раскладывалъ съ обступившими балконъ почитателями. Изъ присланныхъ адресовъ особенно растрогалъ Льва Николаевича (адресъ офиціантовъ петербургскаго театра «Фарсъ».

Въ Ясной Полянѣ празднованіе 80-лѣтней годовщины происходило исключительно въ семейномъ кругу. Крестьянскіе дѣти деревни Ясной Поляны роздали отъ имени графа коробки съ конфетками. Здоровье великаго писателя значительно улучшилось. Чувствуется лишь общая слабость.

2-го 31-го 1908

Умро 31.11.1908

Столичная печать о Л. Н. Толстомъ.

Лучшая статья «Рѣчи» о Толстомъ—
статья Д. Мережковского.

Праздникъ Толстого—единственный въ
вѣкахъ и народахъ.

При жизни вѣчали донынѣ такую всемир-
ною славою только героевъ меча и крови; а
героевъ духа—славою пошерстною, лавро-
вымъ вѣнцомъ поверхъ вѣйна тернового.
Путь къ славѣ шелъ черезъ кровь, свою или
чужую.

Слава Толстого—первая всечеловѣческая
слава безъ крови, первый всечеловѣскій
праздникъ «мира и благополонія», первый
нашъ того послѣдняго праздника, когда
скажутъ, наконецъ, все человечество: «Слава
въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ че-
ловѣчатъ благоволеніе».

Но пока вѣтъ еще на землѣ мира безъ
брани, лавра безъ терна—и вся радость
наша въ томъ, что не мы влили въ вѣ-
нецъ Толстого этотъ тернъ. Не мы, а кто
же? Онъ самъ, или Тотъ, Кто создалъ его
такимъ, какъ онъ есть.

Сегодня, въ самый торжественный день
славы своей, не чувствуетъ ли онъ и самую
острую боль отъ этого терна, среди все-
общей радости—бесѣрную грусть?

Кого мы вѣчаемъ? Художника, прежде
всего. Но онъ самъ растопталъ этотъ вѣ-
нецъ. И, можетъ быть, его величіе въ томъ,
что онъ это сдѣлалъ: если бы не принесъ
онъ своего искусства въ жертву какой-то
высшей святости, то не былъ бы такимъ ве-
ликимъ художникомъ.

Но тутъ между нимъ и нами все же вѣч-
ный споръ: мы любимъ въ немъ то, что онъ
въ себѣ ненавидитъ, благословляемъ въ немъ
то, что онъ въ себѣ проклинаетъ. Вѣдь если
бы намъ предстояло сдѣлать окончательный
выборъ между Толстымъ-художникомъ и Тол-

стымъ-пророкомъ, выборъ нашъ оказался бы
обратнымъ тому, который сдѣлалъ онъ самъ:
мы не усумнились бы пожертвовать проро-
комъ художнику, потому что въ искусствѣ
своемъ онъ для насъ болѣе вѣщій пророкъ,
хотя, можетъ быть, пророкъ много, чѣмъ въ
своихъ пророчествахъ.

Но этого-то вамъ Толстой никогда и не
проститъ, этой-то славы никогда и не при-
метъ отъ насъ. И если онъ сейчасъ молчитъ,
какъ будто соглашается, то не потому ли,
что есть такой предѣлъ несогласія, за кото-
рымъ остается только молчать? Но, кажется
вотъ-вотъ не выдержитъ,—закричитъ:

«—Но могу молчать! Лучше накиньте
намъ на шею веревку на мою старую шею,
чѣмъ дѣлать то, что вы со мной дѣлаете!»

Да, нечего себя обманывать: тутъ, въ
спорѣ съ нимъ о немъ, мы никогда не сго-
воримся...

«Стоитъ только людямъ сговориться»,
такъ начинается и кончается онъ въ свои
религіозныя проповѣди, вотъ уже тридцать
лѣтъ. Не почувствуетъ-ли, наконецъ, сего-
дня, что не такъ-то легко «сговориться лю-
дамъ», и что ибываетъ этому не только злая
человѣческая воля, но и что-то большее, отъ
людей независимое?

— Любите ли вы меня?

— Любить.

— Вѣрите ли вы мнѣ?

— Вѣрять.

— Почему-же не дѣлаете того, что я
вамъ говорю?

— Потому, что мы злы, глупы, слабы и
еще почему-то, чего ты, всевидящій, не ви-
дишь, всезнающій, не знаешь, и что не ме-
нѣе свято для насъ, чѣмъ для тебя твои
святости.

— Что же это такое? Скажите.

— Сколько разъ говорилъ! Ты не по-
нялъ тогда и теперь не поймешь. Да, мо-
жетъ быть, и не надо. Будь такимъ, какъ
есть, и не осуждай насъ, не требуй того,
чего мы дать не можемъ.

— Если не можете, я уйду отъ васъ и
останусь одинъ.

«Мнѣ надо одному самому жить и одно-
му самому умереть», признался онъ однаж-
ды, и это, кажется, самое правдивое изъ
всѣхъ его признаній.

Сегодня, когда все человечество хочетъ
быть съ нимъ,—не чувствуетъ-ли онъ еще
безнадежнѣе свое одиночество? Въ лучезар-
ной славѣ—какъ въ лучезарной пустынѣ.

Не только въ жизни, въ религіи, но и
въ искусствѣ Толстого есть уже начало
этого одиночества.

Толстой, как художник, тайно выводит плоти. Всей плоти, «всей твари, совокупно стеновавшей обь изобавления», голоса перекаиваются бы его созданий: въ предсмертномъ бреду князя Андрея и въ предсмертномъ шепсестъ срубленнаго дерева, въ зѣвномъ ревъ Китти, рождающей и въ пота человѣческому ревъ бына, котораго рѣжутъ на бойнѣ, въ тѣломъ плачѣ новорожденнаго и въ шумномъ грохотѣ на полѣ Бородинской битвы, въ протяжномъ крикѣ на «у» Ивана Ильича и въ музыкѣ метели, которая слышится съ музыкой страсти у «Анны Карениной».

Черезъ тайну плоти, тайну живоотно-стихну, великую, касается онъ и тайны духа, тайны человѣческой личности, но именно касается только, не проникая въ нее до конца, такъ что послѣдняя Божеская правда о человѣческой личности остается навѣки ему недоступною. Подобно херувимамъ, гвардей Небеснымъ, «лица свои закрывающимъ»:—вся земная тварь у Толстого закрываетъ лицо свое какии-то прозрачно-темными, зѣвбно-почувымъ крыломъ.

Можно бы почти сказать, что во всѣхъ произведеніяхъ его—одна единственная личность, одинъ единственный герой—онъ самъ. Отъ Николаевны до старца Акима, отъ Левина до Пьера Безухова, отъ Платона Каратаева до дяди Бронхи—все онъ же, Толстой. Лицо его отражается во всѣхъ этихъ лицахъ, какъ въ зеркалахъ, разлагается на всѣ эти лица, какъ блый лучъ солнца на многообразную радугу.

Если же кто-либо изъ нихъ дерзаетъ утверждать себя самого, какъ ную, отдѣльную, Толстому равную личность, то творецъ казнитъ непокорную тварь: Наполеонъ по-

бѣдается Кутузовымъ, купецъ Врежновъ замерзаетъ «раскарякомъ», какъ сыная тухля, Анна Каренина бросается подъ поѣздъ, Вронскій погружается въ помашаи, Иванъ Ильичъ превращается заживо въ «кусокъ разлагающагося мяса».

Такъ всякому, кто не хочетъ быть Толстымъ, Толстой безжалостно мститъ: Какъ будто всѣмъ своимъ героямъ говорить онъ такъ:—и, или нинго. Исполнися разрознеши, стійно-близкое, зѣвробожеское «я» поглащаетъ все, что «не я» и что хочетъ быть инымъ, отдѣльнымъ, на другихъ непохожимъ, единственнымъ человѣческимъ «я». И въ концѣ концовъ, остается онъ одинъ—«самъ одинъ живетъ и самъ одинъ умираетъ». Онъ во всѣхъ, онъ во всемъ. Онъ и все—Творецъ и тварь.

Вотъ отчего ненавидитъ онъ насъ, можетъ быть, просто не видя въ Шекспира. Вѣдь главная тайна шекспировскаго гения, есть тайна иной, чужой, отдѣльной, ни на кого не похожей, единственной человѣческой личности. Въ толстовскіе герои,—вѣрнѣе, «анти-герои»,—жмутъ въ немъ, для него: всѣ герои Шекспира жмутъ помимо него, сами для себя. Безъ Толстого вѣтъ Левина, безъ Шекспира Гамлетъ есть; Толстой заключаетъ Левина, Шекспиръ заключаетъ Гамлетомъ. Толстой жертвуетъ себѣ своими героями; Шекспиръ жертвуетъ собою своимъ героямъ. Все движенье Толстого центрировано, отъ «не-я» къ «я»; все движенье Шекспира центрировано, отъ «я» къ «не-я». Толстой беретъ; Шекспиръ даетъ. Толстой—наиболье мужественный, Шекспиръ—наиболье женственный, Толстой—самовластѣйшій, Шекспиръ—свободѣйшій изъ гениевъ. Толстой не поналъ Шекспира; Шекспиръ поналъ бы Толстого. Въ извѣстномъ смыслѣ, именно въ религиозномъ откровеніи человѣческой личности, Шекспиръ—язычникъ ближе ко Христу, чѣмъ Толстой—христіанинъ.

И не то же ли, что о герояхъ Шекспира, могъ бы онъ сказать о Прометѣѣ Зсילה, о Фаустѣ Гете, о Кавѣ Байрона, о Заратустрѣ Ницше,—о всѣхъ высочайшихъ точкахъ европейскаго гения, который, по премуществу, есть гений личности, самоутверждающейся, будущей, Богоборческой, во вреннихъ путяхъ своихъ, но, въ вѣчныхъ цѣляхъ, Богосиновней?

Побѣждаемое отрицаніе, какъ путь къ побѣждающему утвержденію, личностно, какъ путь къ христіанству, Богоборчество, какъ путь къ Богосиновству—вотъ чего Толстой не видитъ—не видитъ и потому невидитъ,—отрицать всю культуру европейскаго, можетъ быть, и во «христіанскаго», но по полнотѣ Христована человѣчества, ибо откровене Христа и есть откровене абсолютной личности.

И во вселенской культурѣ, такъ же, какъ въ своемъ художественномъ творчествѣ, Толстой отдаляетъ себя отъ всѣхъ, утверждаетъ себя противъ всѣхъ, порываетъ связь со всѣми. Говоритъ всѣмъ: вы ни я, вы всѣ или я одинъ.

Самоутвержденіе личности, религиозное начало всякой революціи, Толстой отрицаетъ, заставляя его отнрпть и русскую революцію.

Но, кажется, именно здѣсь, въ отношеніи къ революціи, достигнуть нѣтъ предѣлъ одностовства, дальше котораго нѣтъ некуда: еще одинъ шагъ—и за нимъ смылъ или перелазъ на противоположный склонъ горы, откуда видно уже восходящее солнце новаго откровенія.

Сдѣлаетъ-ли Толстой этотъ шагъ? Кажли сдѣлаетъ, то, кажется, онитъ-таки немало здѣсь, въ своемъ отношеніи къ русской освобожденію.

Сколько бы ни проклиналъ онъ—не сможетъ проклясть до конца, оно ему слишкомъ родное: вѣдь вся его собственная жизнь не что иное, какъ вѣчный внутренний бунтъ, вѣчная внутренняя революція. Не должно-ли, наконецъ, внутреннее слиться съ вѣннннмъ? Должны бывать онъ за себя противъ всѣхъ; не начнеть ли, наконецъ, бунта за всѣхъ противъ себя?

Не задумается-ли онъ, почему Голгоза для него въ томъ, что вѣтъ Голгозы, крестъ для него въ томъ, что нѣтъ креста? А для тѣхъ, кого онъ явно проклялъ и кому, мо-

жетъ быть, втайнѣ завидуетъ,—тысячи крестовъ, тысячи «намыленныхъ вероковъ»?

И, задумавшись надъ этимъ, не поймать-ли, наконецъ, что надо не «одному самому жить» и не «одному самому умереть», а съ всѣми, за всѣхъ?

Откровене абсолютной личности, откровене Христа совершается во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ; но сейчасъ, въ Россіи, больше чѣмъ во всемъ остальномъ—въ русской освобожденіи, которое вѣдь и есть ничто иное, какъ освобожденіе, восстановленіе абсолютной личности въ поработанномъ и поруганномъ лицѣ народа. Сейчасъ, въ Россіи, или вѣдѣ, или въ освобожденіи—Христосъ. Или русскій народъ не несть креста своего, или этотъ крестъ—освобожденіе.

И Толстой не одинъ, а только со всѣмъ русскимъ народомъ, сможетъ поднять свой крестъ.

Что онъ это сдѣлаетъ, особенно хочется вѣрять сегодня, когда противъ воли другихъ, противъ воли своей, оказался онъ лучезарнымъ средоточіемъ русской свободы. Онъ осудилъ ее, она оправдала его; онъ проклялъ ее, она благословляетъ его; онъ развѣчивалъ ее, она вѣнчаетъ его. Сегодня враги русской свободы—враги Толстого; друзья его—ея друзья. Сегодня онъ и она—одно. Хотятъ ли этого или не хотятъ, праздникъ Толстого—праздникъ русскаго освобожденія.

Когда это поймать и онъ, тогда исполнитъ его желаніе: мы не только убиваемъ его, какъ художника, но и пойдѣмъ за нимъ, какъ за пророкомъ.

Какъ пророкъ русскаго и всемірнаго освобожденія, пока живо человечество, будетъ жить Толстой.

О чем пишут другие.

Г. Философовъ въ „Словѣ“ называетъ Толстого „совѣстью чело-вѣчества“.

О, мы отлично знаемъ, что военный, прочитавъ «Парство Божіе внутри насъ», все-таки пойдетъ на войну; что судья, прочитавъ «Воскресеніе», все-таки будетъ судить. Какъ бы ни были генералъ Толстой, ему индивидуальными своими усиліями—исторіи не измѣнить. Въдѣ, не только люди дѣлаютъ исторію, но и она, исторія, дѣлаетъ людей. А все таки отношеніе людей къ тому, что они дѣлаютъ—Толстой измѣнилъ. Не съ такимъ легкимъ сердцемъ идетъ теперь въ судъ судья, не такъ просто вступаетъ юноша въ бракъ, не такъ равнодушно преклоняются люди предъ плодомъ прогресса. Совѣсть пробуждена. Въ ней застѣлъ червякъ, который сосетъ насъ, и вотъ то, что казалось вчера еще долгомъ, превращается въ грѣхъ.

„С.-Пет. Вѣд.“ почему-то нашли нужнымъ въ день юбилея великаго старца „разразиться“ такимъ комплиментомъ:

Толстой до того сросся съ окружающимъ на словахъ старорусскими словами, что дико и дорого смотрѣть на это живое незабываемое воплощеніе добродѣтелей, талантовъ, грѣшности и ошибокъ родной Д. Н. Толстому помѣщичьей среды. Объ этомъ принято молчать, но совершенно напрасно... Какъ извѣстно, онъ въ молодости проигралъ домъ, въ которомъ родился. Жилище это—въ чужихъ рукахъ, недалеко отъ Ясной Поляны.

А кстати, вспоминая о смертномъ часѣ не лишенная добрыхъ намѣреній, но не слишкомъ удачная газета, выражаетъ надежду, что

надъ умирающимъ всплыветъ такой же отблескъ радостнаго ожиданія, какой затеплился на мѣстѣ его рожденія, въ послѣднемъ избранномъ даже—хотя и случайно—какъ конната для склада иконъ...

Толстовскій юбилей и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ заставилъ заговорить чело-вѣческимъ языкомъ; кн. Волконскій пишетъ:

Чествуютъ же его, хотѣть чествовать, какъ великое солнце русской и всемірной литературы, какъ великаго язычника и истаря, молитвы котораго, можетъ быть, какъ молитвы евангельскаго иштаря, когда-нибудь поставятся Богомъ выше фарисейскихъ молитвъ, т. е. въ Евангеліи сказано, что тому чело-вѣку простится, кто изрекъ хулу на Сына Божіа, но не простится тому, кто изрекъ хулу на Духа Святого.

Это довольно шаблонно выражено, но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что та объективная совѣсть, которую представляетъ Толстой, имѣетъ силу даже надъ субъективной безсовѣстностью тѣхъ, которые призвали нашу жизнь до положенія арестанта, умершаго по дорогѣ изъ тюрьмы на вокзалъ.

Вы помните эту сцену? Помните слова Толстого надъ трупомъ: „Какая прекрасная возможность была загублена въ немъ“.

Газеты последних Юбилей Л. Н. дней, начиная от 28 Толстого. августа, совершенно заполнены статьями, посвященными Л. Н. Толстому. Нет никакой физической возможности сделать обзор всего написанного о великом писателе.

Поэтому мы ограничимся выдержками хотя бы из некоторых столбчатых органов печати. «Русские Вѣдомости» прекрасную и обстоятельную передовую статью от 28 августа, посвященную Толстому, заканчивают так:

Писатель, «как бы открывающий миру человечество», не нуждается в восхвалениях и чествованиях. Как огромной высоты утес, он поднимается над клокочущим у его подножия волнением, и в то время, как внизу, посреди старающихся обдурить его плетей и свернуть воли, парствуют ираклы настоящего, его вершина доступна лучам грядущего солнца: перед ней—огромный горизонт, невидимый находящимся внизу перспектив. Она вся в ослепительно-ярком будущем. И увидеть эти широкие перспективы, проникнуть далеко за узкую линию доступного находящимся внизу горизонта можно, только достигнув вершин покоящей неукротимейшей самостоятельной работы, нестягнутого оковами стремления. Это доступно немногим. Но отблеск грядущего солнца, сверкающий на утесе, свѣтит и тѣм, кто находится внизу. Надо только, чтобы у них не были закрыты глаза. И единственное пожелание, которое можно сдѣлать въ этотъ день не ради славы великаго художника, но для блага нашей родины, это — чтобы глаза скорѣе раскрылись и чтобы свѣтъ грядущаго, отражающійся на гени, разогналъ ираклы насилія, челоуконенавистничества, гнета надъ мыслью, гнета надъ словомъ, надъ свободными изслѣдованіемъ истины, свободнымъ стремленіемъ къ лучшему.

«Рѣчь» въ передовой статьѣ отъ того же числа, между прочимъ, пишетъ, что миръ Толстого—есть миръ свободы отъ условностей, свободы самой полной и безграничной.

Это миръ безусловныхъ вѣрностей, созданный свободной челоуческой совѣстью. Но тотъ миръ, который вторгся въ толстовское чествованіе въ лицѣ своей іерархіи, есть миръ условныхъ вѣрностей по преимуществу, миръ условнаго величія, миръ общепризнанныхъ или общеподательныхъ заблужденій, объявляемыхъ неопровержимыми истинами, — словомъ, это тотъ миръ, отъ котораго освободился Толстой, который онъ оттолкнулъ отъ себя, какъ олицетвореніе челоуческой пошлости и челоуческаго рабства, отъ котораго онъ зоветъ съ собой людей къ освобожденію и челоуческой свободѣ... Самовольное похищеніе этой воплощенной условности на торжествѣ, которое могло бы знаменовать ступеніе челоучества къ эммансипаціи отъ нагъ условностей въ своей внутренней и внѣшней жизни—что можетъ стоять въ болѣе рѣзкомъ разладѣ съ сущностью, съ духомъ самаго этого торжества!

«Слово» въ концѣ передовой статьи, посвященной 28-го августа юбилею Толстого, говоритъ:

праздникъ 80-лѣтія Толстого мы встречаемъ съ рѣдкимъ радостнымъ чувствомъ и подъемомъ: это прежде всего и главнѣе всего—праздникъ глубоко — національный, праздникъ величія и силы русскаго народа. Все культурное челоучество объединилось вокругъ этого праздника и плетъ въ Ясную Поляну выраженія любви и преклоненія. Гений—даръ судьбы челоуку, будничному во тѣмъ своихъ тревогахъ, запросахъ и сомнѣніяхъ, и гению каждый въ правѣ назвать своимъ, ибо плодами его творчества пользуется въ равной степени и шлѣтъ, и иудей, и индѣй, и богатый. Но Россія празднуетъ въ Толстѣ свое особое торжество. Россія празднуетъ сегодня торжество творческаго силъ, напѣвъ надъ сѣ тѣмными, разлагающими элементами, надъ элементами угнетенія духа и порабощенія воли народа.

Умро 31-Ав. 1908

Толстой и рабочіе.

За немногими и рѣдкими исключеніями, рабочіе и профессиональные союзы въ Россіи и за границей отнеслись сочувственно и сердечно къ юбилею великаго писателя.

Въ сегодняшнемъ номерѣ приводится выдержка изъ «Vorwärts»: «рабочій классъ можетъ съ благоговѣніемъ привѣтствовать престарѣлаго писателя»...

Организованные кievскіе рабочіе, по сообщенію «Кievскихъ Вѣстей», послали Л. Н. Толстому адресъ за массой подписей рабочихъ различныхъ профессій. Въ немъ говорится о благоговѣнномъ уваженіи, питаемомъ «носителями культурныхъ идеаловъ будущаго пролетариата» къ великимъ творцамъ культуры.

Привѣтствуя Толстого, какъ одного изъ великихъ творцовъ культуры, почтитаго пачтаники его гениальной мысли, и художественнаго слова, кievскіе рабочіе чтятъ Льва Николаевича «не только какъ великаго художника, дивнаго «сказателя» русскаго жизни», но и какъ вѣчно ищущаго правды справедливыя и соціальнаго равенства».

Пути къ достиженію всеобщаго братства, конечно, различны у Толстого и людей политическхъ партій, но это не можетъ помѣшать рабочимъ любить и чтить Л. Н.

«Мы привѣтствуемъ великаго писателя земли русскаго въ день его юбилея,—заканчиваютъ свой адресъ рабочіе,—какъ символъ вѣчныхъ исканій истины, вѣчной любви къ людямъ труда и страданій».

Рабочіе завода Вейсберга «прекратили въ день юбилея Толстого работы. Союзы рабочихъ отправили въ Ясную Поляну теплые привѣтствія».

Великое имя Л. Н. Толстого объединило людей...

А.

Умро 31-Ав. 1908

Академическая жизнь.

Первое заседание совета профессоров
спб. университета.

28-го августа въ 8 час. вечера въ университетѣ состоялось первое засѣданіе совета профессоровъ. Советъ собрался почти въ полный составъ, и засѣданіе носило торжественный характеръ. Прежде всего былъ рассмотрѣнъ вопросъ объ ознаменованіи юбилея Л. Н. Толстого. Послѣ непродолжительныхъ преній проф. Эблинскій была предложена слѣдующая прѣдѣлительная телеграмма Льву Николаевичу:

«Советъ профессоровъ с.-петербургскаго университета съ чувствомъ глубокой благодарности прѣдвѣщаетъ восьмидесятилѣтіе великаго учителя человечества—гениальнаго художника и вдохновителя проповѣдника Христовой заповѣди о любви къ ближнему». Подписъ: советъ профессоровъ спб. университета»

Запръ 21-го кн. 1908

Вопросъ объ избраніи Л. Н. Толстого въ почетные члены университета былъ рѣшенъ принципиально въ положительномъ смыслѣ. Окончательное рѣшеніе будетъ принято на экстренномъ собраніи совета профессоровъ 3 сентября.

Запръ 21-го кн. 1908

моги равны перед Богомъ".—Дѣвушка агитировала одна, безъ всякой нравственной поддержки...

—Бунтуетъ дѣвка! доносили баринѣ блюдошны. Сущій яд! Зараза!

Лутюиха испугалась не на шутку...

—Продать! рѣшила она.

Продажа Лутши состоялась по запрошенной записи, съ большой неустойкой, сосѣдей помѣщикъ, пользовавшейся дурной репутаціей среди крѣпостныхъ.

Тургеневъ категорически заявилъ матери, что онъ считаетъ торговлю крестьянами варварствомъ, не допустить продажи и, въ концѣ концовъ, скрылъ Лутшу въ крестьянской избѣ.

Покупательница обратилась за содѣйствіемъ къ помѣщику, причемъ представила дѣло въ такомъ видѣ, что „молодой баринъ" и „его дѣвка" бунтуютъ крестьянѣ.

Въ Лутюихино немедленно прибылъ исправникъ.

Тургеневъ и исправнику заявилъ, что „не выдастъ Лутши".

Исправникъ собралъ изъ окрестныхъ селѣній цѣлую толпу понятыхъ и во главѣ ихъ двинулся къ хатѣ, гдѣ укрывалась Лутша.

Тургеневъ встрѣтилъ толпу на крыльцѣ, съ сходящимся ружьемъ въ рукахъ.

Толпа остановилась. Исправникъ, занимавшій эту должность по выборамъ отъ дворянства и пользовавшійся у Тургеневыхъ неизмѣннымъ гостепріимствомъ, сильно смущался.

Трудно сказать, чѣмъ могло бы кончиться столкновеніе Тургенева съ властями, если бы въ дѣло не вмѣшалась Лутюихина.

—Пусть дѣвка остается, объявила помѣщица.

—Не надо смертоубійства. Неустойку я плачу...

Чѣмъ не мѣсто, „дѣло о буйствѣ" было данъ законный ходъ. И. С. обвиняая „въ сопротивленіи властямъ". „Дѣло" затянулось на долгіе годы: то полиція не находила Тургенева на мѣстѣ постоянного или временнаго жительства, то требовалось дополнительно „доизвѣстіе", и благодаря этой „затяжкѣ", дѣло о буйствѣ благополучно достигало до царскаго манифеста, которымъ и было прекращено.

Киевлянинъ 31-го. 1888

ЗАМѢТКИ.

DLXXXVI.

Въ настоящее время уже совершенно ясно опредѣлилось, что съ Толстовскимъ юбилеемъ выйдетъ полный провалъ: Россія не пришла участія въ этомъ юбилеѣ. Все вышло очень мизерно и блѣдно.

Не подожать никакому сомнѣнію, что революціонеры и анархисты, затѣвая празднованіе юбилея, руководились вовсе не стремленіемъ почтить великаго писателя, а просто прирались къ юбилею, какъ къ поводу для устройства революціонно-анархистскихъ демонстрацій. Вотъ почему въ революціонномъ лагерѣ вспоминали и восхваляли не то, чѣмъ велика гр. Толстой, — его литературно-художественную дѣятельность, а то, чѣмъ онъ показалъ, что даже гений, сходя съ предначертаннаго ему пути, становится совершенно незначительнымъ человекомъ, обыкновенной фигурой въ борьбѣ за популярности.

На революціонной улицѣ это былъ праздникъ не во имя Толстого, а во имя разрушенія всего того, чѣмъ существуютъ государство, народы, общечеловѣческая культура.

Вожакъ бунта стремился создать нѣчто величественное, нѣчто такое, что всему міру должно было показаться, какъ, молъ, сильно революціонное настроеніе въ Россіи. По плану режиссеровъ бунта, юбилейныя торжества надо было ниспослать такъ, чтобы казалось, будто въ праздникъ анархій участвуетъ «всѣ Россія». Съ этой цѣлью задолго до юбилея поведена была широкая агитация. Были образованы комитеты для подготовкы юбилейныхъ торжествъ. Еврейско-революціонная репутация печатъ юбилей подѣлило особое свое покровительство и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ изъ всѣхъ силъ раздувала его.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилія, получился жестокий провалъ. Революціонно-еврейская печатъ надеялась на то, что, стремясь затуманить размыры неудачи и вообще скрыть правду. Но это очень плохо ей удается. Совершенно ясно, что Россія, какъ великое цѣло, осталась далеко въ сторонѣ отъ юбилейныхъ торжествъ, что юбилей гр. Толстого *ничуть не оскотлилъ ни одной страны*. Даже тѣ, кто чтитъ въ гр. Толстомъ автора «Войны и мира», «Анны Карениной» и другихъ великихъ произведеній слова, закрывая глаза на дѣятельность японскаго старца въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, — и тѣ, хотя бы изъ чувства безразличности, отошли въ сторону, когда увидѣли, что юбилей Толстого захватили въ свои руки «освободительные» еврейчики и еврействующіе, стремясь сдѣлать изъ него революціонный гешефтъ. И кончилось тѣмъ, что юбилей праздновали воинствующіе инородцы, въ своей жизни и дѣятельности слѣдующіе принципамъ, противоположнымъ тѣмъ, которые проповѣдуетъ Толстой, но выдающіе въ немъ дѣятельнаго союзника въ дѣлѣ разрушенія ненавистной имъ Россіи; да безпочвенная общепороднившая часть русской quasi-интеллигенціи.

Впрочемъ, даже и въ этомъ кругу не замѣчалось никакого подъема, и режиссерамъ бунта совершенно не удалось оживить революціонное настроеніе, поднять падающую волну революціи. Возьмите хотя бы то, что было въ Кіевѣ. Профессора Иванова и Перетца, несмотря на содѣйственные духъ еврейскихъ газетъ, не могли собрать на юбилейное собраніе болѣе 100 человекъ, да и среди этой сотни большинство составляли евреи. Тѣмъ же масштабомъ отличались юбилейныя торжества и въ другихъ мѣстахъ.

Еще лучше вышло съ разными «фондами». Петербургскій и московскій комитеты по организаціи чествованія затѣвали много «фондовъ» на увековѣченіе памяти юбилера. Но никакихъ фондовъ не удалось

образовать. Особенно интересная исторія вышла съ тѣмъ фондомъ, который проектировалъ ближайшій другъ гр. Толстого г. Чертковъ. Послѣдній указалъ на общественное положеніе японскаго крестьянина, такъ сказать, родныхъ крестьянъ гр. Толстого. Они крайне нуждаются въ землѣ.

Такъ какъ Толстой — врагъ земельной собственности и считаетъ ее «тяжкимъ преступленіемъ», то онъ, какъ заявивъ г. Чертковъ, очень сочувствуетъ тому, чтобы его почитатели, въ ознаменованіе юбилея, собрали капиталъ и... выкупили Ясную Поляну для крестьянъ... Опираясь на это «сочувствіе» юбилера, г. Чертковъ и предложилъ образоватъ капиталъ для выкупа Ясной Поляны посредствомъ сбора пожертвованій среди почитателей Толстого по всему міру. Однако, хотя графиня Толстая и заявляла на-дняхъ, что ей мужъ — это солнце, которое свѣтитъ всему міру, но міръ не далъ для выкупа Ясной Поляны ни одной копѣйки. Очевидно, міръ вовсе не хочетъ еще болѣе обогащать семью гр. Толстого, которая могла бы, если-бы имѣла въ виду интересы японскаго крестьянина, продать имъ землю чрезъ посредство Крестьянскаго банка.

Когда изъ многихъ фондовъ не вышло ничего, то организаторы юбилейнаго чествованія рѣшили образоватъ одинъ фондъ — для устройства музея имени Толстого. И вотъ «освободительныя» газеты съ торжествомъ возвестили, что сборъ пожертвованій для этой цѣли встрѣтилъ большое сочувствіе въ широкихъ кругахъ населенія, и для устройства музея собрано... 800 рублей.

Но чѣмъ объяснить столь жестокою неудачу «освободителей», стремившихся использовать юбилей гр. Толстого въ интересахъ освободительно-анархистскаго движенія и создатъ вокругъ этого юбилея революціонный шумъ на весь міръ? Да тѣмъ же, чѣмъ объясняется и провалъ въ самой революціи: революціонно-анархистскій лагерь составляетъ и насть совершенно незначитель-

ное меньшинство. Этотъ лагерь борется съ Россіей, и во имя этой борьбы и въ интересахъ ея онъ объявляетъ юбилей гр. Толстого своимъ, революціонно-анархистскимъ дѣломъ. Разъ дѣло поставлено такъ, то Россія и русскій народъ совершенно отстранялись отъ всякаго касательства къ толстовскому юбилею. Это было естественно и неизбежно.

Я думаю, что если-бы «освободители» не придали такой окраски толстовскому юбилею, который они съ чисто-еврейской наглостью объявили своимъ собственнымъ дѣломъ, то не было-бы и выступленія Св. Синода. Разъ-же юбилей Толстого объявленъ торжествомъ папизма, то Св. Синодъ обязанъ былъ выступитъ и папозитомъ первымъ, что гр. Толстой — врагъ и разрушитель церкви.

Разумѣется, выступленіе Св. Синода имѣло громадное значеніе: оно однимъ ударомъ разрушило планы «освободителей», ибо неслѣдствіемъ еще вѣра въ народъ, несмотря на всѣ усилія анархистовъ, и авторитетъ церкви — это нѣчто неизмѣримо великое въ сравненіи съ авторитетомъ гр. Толстого. Вотъ почему евреи и еврействующіе встрѣтили посланіе Св. Синода съ такими ересью зубовыми. Всѣ прославленія и возмеченія гр. Толстого со стороны лагеря «освободителей» не могутъ даже въ самой малой мѣрѣ ослабить того удара ученого и самой личности японскаго учителя, какой нанесенъ означеннымъ гр. Толстого отъ церкви. Мы, южане, хорошо помнимъ другой примѣръ: Мазепа много сдѣлалъ для церкви и для грядъ, но, будучи отлученъ отъ церкви, онъ былъ всѣмъ отвергнутъ и проклятъ. Въ благія дѣла его забыли, а его имя стало ругательнымъ словомъ...

Словомъ, папизмъ и православная Русь давно и рѣшительно отпугнулись отъ Толстого-нигилиста, и разъ юбилейнымъ торжествомъ былъ приданъ характеръ про-

славления именно Толстого-нигилиста, то провалъ былъ неизбеженъ. «Освободители» хотѣли устроить всероссійскую революціонно-анархическую демонстрацію, но получилась совершенно иная и притомъ глубокаго значенія демонстрація: Россія и русскій народъ всему міру показали, что Толстой-нигилистъ для нихъ—чужой человекъ. Этотъ подвѣдъ итогъ дѣятельности гр. Толстого послѣднихъ десятилѣтій.

Вся наша революція—это сплошной подлогъ. До первой Думы и во время ея революціонеры всегда говорили именемъ народа и всѣ свои требованія претъязывали отъ имени народа. Только роспускъ первой Думы и исторія съ выборскимъ воззваніемъ для всѣхъ сдѣлали очевиднымъ шарлатанство «освободителей», показавъ, что народъ стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ революціоннаго движенія.

Теперь затѣвался новый подлогъ: «освободители» хотѣли писанировать картину выраженія якобы всероссійскаго сочувствія и поклоненія дѣятельности Толстого-нигилиста.

Но и этотъ подлогъ совершенно не удался и всенародно разоблаченъ.

И если-бы гр. Толстой зналъ правду, если-бы онъ видѣлъ жизнь такой, какова она есть, а не такой, какой ему изображаютъ ее окружающіе его «доклошники», какъ пьезки, внивавшія въ великаго человека, то онъ глубоко задумался-бы...

А вѣдь юбилей гр. Толстого дѣйствительно могъ-бы быть великимъ, всенароднымъ торжествомъ.

Представьте себѣ, что гр. Толстой былъ-бы болѣе устойчивымъ и независимымъ человекомъ и, не будучи рабомъ страстной жажды популярности, не былъ-бы увлеченъ волной нигилизма, а остался-бы тѣмъ же великимъ художникомъ, какимъ его зналъ міръ раньше. И вотъ если-бы теперь пришлось праздновать юбилей Толстого-художника, оставшагося вѣрнымъ своему призванію,—какое это было-бы великое культурно-національное событіе въ жизни Россіи, какъ всколыхнулась-бы вся Русь, какой это былъ-бы всенародный подвѣдъ.

Все это могло-бы быть. Но ничего этого не было, а былъ лишь жалкій шумъ еврейчиковъ и еврействующихъ.

О національномъ торжествѣ не могло быть рѣчи тамъ, гдѣ былъ праздникъ во имя разрушенія націи и всего національнаго, всего, чѣмъ сильна наша національная жизнь.

Все-же великое—національно.

Толстой имѣлъ національную славу и національное поклоненіе. Но ему, снѣдаемому несчастнымъ честолюбіемъ, этого было мало. Онъ жаждалъ міровой и всечеловѣческой славы и власти и, принявъ нигилизмъ за начало новой эры въ жизни человечества, сталъ подъ знамя нигилизма, сталъ пророкомъ нигилизма.

И съ гнѣвомъ произошла катастрофа. Онъ ровно ничего не создалъ. Онъ погубилъ цѣлые десятины своей жизни.

Въ день 80-лѣтія гр. Толстого подвѣдъ своего рода итогъ его дѣятельности. Юбилей анархиста-космополита не могъ быть національнымъ торжествомъ. Но можетъ быть, космополиты всего міра въ этотъ день соединились вокругъ имени Толстого и вознаградили его за горечь утраты сочувствія и любви родного народа? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Интернаціоналы чужихъ странъ оказались столь-же равнодушными къ юбилею жезучителя, какъ и національная Россія.

Въ своемъ жизненномъ пути гр. Толстой боковые газы принялъ за зарю великаго будущаго и сбился съ прямой и славы дороги.

А вѣдь онъ могъ-бы быть національнымъ героемъ.

А. Савенко.

Восьмой съездъ славянскихъ журналистовъ, собравшійся въ Люблянѣ, приветствуетъ единодушнымъ поздравленіемъ графа Льва Николаевича Толстого по случаю восьмидесятилѣтней годовщины его рожденія; шлетъ ему, выраженіе глубокаго уваженія, чистосердечнаго преданности, пожеланія, чтобы знаменитый писатель прожилъ еще долгіе годы, трудясь на благо своего русскаго народа, славянства и всего человечества.

Предсѣдатель Голецкъ. Брандесъ въ „Рус. Вѣд.“ пишетъ: „Кто не восхищался сочиненіями Толстого! Но я давно уже написалъ все, что могъ и повторяться не буду. Толстой великій и немного „странный“ человекъ... Ученикъ Руссо, и человекъ нашего времени. Гласъ, вопиющій въ пустыни... Я прочелъ первый рассказъ „Хозяинъ и Работникъ“. Это было 20 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ я его не перечитывалъ, но хорошо помню всѣ подробности. Я могу сказать, что романъ „Воскресеніе“ не могъ бы написать ни одинъ изъ молодыхъ писателей“.

Газеты сообщаютъ, что совѣтъ профессоровъ петербургскаго университета на засѣданіи 28 августа постановилъ послать гр. Л. Н. Толстому слѣдующую телеграмму: „Совѣтъ с.-петербургскаго университета съ чувствомъ глубокой благодарности приветствуетъ 80-лѣтіе великаго учителя человечества—гениальнаго художника и вдохновеннаго проповѣдника Христовой заповѣди о любви къ ближнему“.

Кромѣ того, профессоромъ Ф. Ф. Эдлинскимъ внесено предложеніе объ избраніи гр. Л. Н. Толстого почетнымъ членомъ петербургскаго университета. Валютировка, какъ полагается по уставу, будетъ произведена на слѣдующемъ засѣданіи.

Городскимъ управленіемъ города Верлина, за подписью оберъ-бургомистра, отправлена въ Ясную Поляну приветственная телеграмма. Многочисленные привѣтствія отправлены также отъ различныхъ германскихъ политическихъ и профессиональных союзовъ, отъ рабочихъ корпорацій, мѣстной русской колоніи и отъ группы проживающихъ въ Верлинѣ русскихъ литераторовъ.

Совѣзъ португальскихъ писателей избралъ Л. Н. Толстого почетнымъ членомъ и приветствовалъ его слѣдующимъ адресомъ:

„Нижеподписавшіеся португальскіе писатели, члены постоянного международнаго литературнаго комитета, исполняя пріятную миссію международнаго согласія и любви, присоединяются отъ всего сердца къ чествованію графа Льва Толстого, признаютъ въ немъ царя современной мысли и приветствуютъ съ истиннымъ и искреннимъ энтузіазмомъ достопамятный день его славы. Воодушевленные лучшими чувствами солидарности, они слѣдуютъ за мыслящей Россіей во всѣхъ чествованіяхъ, которыя будутъ оказаны знаменитому писателю и великому мыслителю въ этотъ историческій для всѣхъ работниковъ пера и проповѣдниковъ евангельскихъ мыслей день. Лиссабонъ, 1 августа 1908 года“. Далѣе слѣдуютъ подписи.

Отъ думы города Праги получена слѣдующая телеграмма. „Дума г. Праги Королевства Чешскаго въ день 80-ти-лѣтія рожденія вашего преклоняется съ глубочайшимъ изумленіемъ и почтеніемъ передъ вдохновеннымъ апостоломъ и великимъ гениемъ народа русскаго. Да сохранитъ Богъ свѣтлаго старца на многія лѣта для всего русскаго народа, всего славянства и всего міра“.

Въ Ясной Полянѣ.

Въ газетахъ находимъ слѣдующія сообщенія:

26-го августа Л. Н. Толстой, только что оправившійся отъ тяжелой болѣзни съѣзъ за работу. Онъ диктуетъ своему секретарю, который записываетъ stenographicески. Послѣдній расшифровываетъ на писанное, диктуетъ дочери Л. Н., Алексѣя дръ Львовѣ. Въ маленькой гостиной, рядомъ съ кабинетомъ, Софья Андреевна окруженная чачками писемъ, подготавливаетъ матеріалъ для своихъ мемуаровъ, доведенныхъ ею уже до 1891 г. Такъ проходили въ Ясной Полянѣ дни наканунѣ юбилея. Адреса, и телеграммы притекаютъ въ Ясную Поляну со всѣхъ концовъ свѣта. Американскіе друзья Л. Н., португальскіе писатели, пражская городская дума и съездъ славянскихъ журналистовъ прислали сегодня великому старцу выраженія своей „безмѣрной любви“.

Масса привѣтствій получена изъ Германіи и Англіи отъ различныхъ учреждений и обществъ и отъ отдѣльных лицъ различныхъ классовъ. Трогательно звучатъ поздравленія еврейскихъ юношей, писмо дѣвочки-гимназистки и привѣтствіе стараго генерала-севастопольца.

Отъ 28 августа телеграфируютъ:

Чудный день. Со всѣхъ сторонъ непрерывно притекаютъ привѣтствія съ десятками тысячъ подписей. Россія приветствовала Толстого въ лицѣ всѣхъ своихъ культурныхъ обществъ, союзовъ, ученыхъ учреждений, учебныхъ заведеній. Масса телеграммъ прибываетъ изъ Америки, даже изъ Индіи и Новой Зеландіи, полученъ рядъ поздравленій. Чрезвычайно душевный адресъ послѣдователей Генри Джорджа, присланный изъ Австраліи. Льва Николаевича, между прочимъ, очень тронула телеграмма отъ офицантовъ. Толстой умиленъ до глубины души и приписываетъ чествованіе не своимъ личнымъ заслугамъ, а тяготѣнію человечества къ добру и правдѣ.

Воскрес. Мисси № 1308 # 332

„Л. Н. Толстой и его литературная дѣятельность“—лекція извѣстнаго рижана К. И. Арабажина состоится въ воскресенье 31 августа въ 2½ часа дня въ залѣ „Улья“.

Риж. Мисси № 1308

Послѣднія извѣстія.

Министръ торговли и промышленности 1-го сентября уѣзжаетъ изъ Петербурга на осмотръ портовъ Балтійскаго моря, въ томъ числѣ и рижскаго.

А. И. Гучковъ о политическомъ моментѣ.
Подъ такимъ заглавіемъ въ органѣ октябристовъ „Гол. М.“ напечатано сообщеніе, въ которомъ передается мнѣніе октябристскаго лидера о политическомъ положеніи. Относительно октябристовъ Гучковъ сказалъ, что они вынуждены были бы перейти въ оппозицію въ случаѣ „назначенія такого предсѣдателя совѣта министровъ, который не имѣлъ бы пониманія важности переживаемаго момента и относился бы съ пренебреженіемъ ко всему ходу исторической послѣдовательности и преемственности и, въ томъ числѣ, къ общественному мнѣнію. Современное правительство, представляемое П. А. Столыпнинымъ, стоитъ на исторической точкѣ зрѣнія и поэтому оно встрѣчаетъ поддержку въ центрѣ думы“.

Въ Ясной Полянѣ. 28-го августа корреспондентъ „Рус. Сл.“ посѣтилъ „Ясную Поляну“, гдѣ былъ принятъ Андреемъ Львовичемъ Толстымъ, показавшимъ всѣ адреса, письма и телеграммы, полученные въ этотъ день Л. Н.—чемъ. Л. Н. чувствовалъ себя бодро и самъ просматривалъ всѣ картины, и адреса и телеграммы. Около трехъ часовъ дня онъ, уступивъ настоячивымъ просьбамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга владѣльца кинематографа, позволилъ вынести себя въ креслѣ на балконъ и былъ снятъ. Затѣмъ были сдѣланы снимки Л. Н. съ семьей и Чертковымъ. Во время сеанса Л. М. расклаивался съ бывшими на балконѣ посѣтителями. Изъ числа присланныхъ адресовъ Л. Н.—ча особенно растрогалъ адресъ офиціантовъ петербургскаго театра „Фарсъ“. Празднованіе

80-лѣтія дня рожденія Л. Н. Толстого происходило исключительно въ семейномъ кругу. Крестьянскимъ дѣтямъ деревни „Ясная Поляна“ были розданы отъ имени Л. Н. коробки конфетъ. Здоровье Л. Н. значительно улучшилось. Онъ чувствуетъ лишь общую слабость.

Гр. С. А. Толстая.

Въ „Словѣ“ бывшая издательница „Севернаго Вѣстника“ Л. Гуревичъ пишетъ: Но говоря о семьѣ Толстого, прежде всего, конечно, нужно говорить о графинѣ Софьѣ Андреевнѣ. Яркій, чрезвычайно рѣзко очерченный образъ, неутраченный даже отъ сопоставленія съ фигурою самого Толстого. Еще не пришло время изображать и оцѣнивать ея личность, ея истинное значеніе въ жизни великаго писателя, — хотя безъ пониманія ея многое непонятно ни въ его жизни, ни даже во многихъ его произведеніяхъ. Въ томъ, что принято писать и печатать о семейной жизни Толстыхъ, много „идиллизация“, если позволено употребить такое слово. Всѣ представляютъ себѣ графиню Софью Андреевну, какъ вѣрную жену великаго мужа, какъ скромную помощницу великаго романиста, многократно переписывавшую его знаменитыя произведенія, практичную, энергичную хозяйку дома, властную оберегающую интересы многочисленной семьи. Все это такъ и есть. Но во всемъ, что извѣстно о ней въ обществѣ, недостаточно выступать индивидуальный характеръ этой женщины: ея темпераментъ, не смягчаемый возрастомъ, ея необычайная душевная крѣпость, ея полная независимость въ предѣлахъ свойственнаго ей образа мыслей, ея неподатливость ни на какия вліянія, ея органическая несклонность передъ тѣмъ-либо погнуться, передъ кѣмъ бы то ни было хотѣла миновать ступенька. Всѣмъ авторитетъ ея мужа, вся глубокая внутренняя драма, пережитая имъ въ періодъ его „духовнаго рожденія“, какъ онъ называлъ переломъ своихъ жизненныхъ воззрѣній, ничего не измѣнили ни въ понятіяхъ, ни въ привычкахъ графини Софьи Андреевны. Она перенесла страшную бурю въ то время, когда Толстой, охваченный огнемъ новыхъ идей,

хотѣлъ раздать все свое имущество, и изъ борьбы съ нимъ вышла побѣдительницей. Она твердо взяла на себя всю ответственность передъ обществомъ и человѣчествомъ за свою постановку имущественнаго вопроса, — и осталась вѣрной себѣ до мелочей. Еще до знакомства моего съ ней Лѣвковъ передавалъ мнѣ ея слова, во многихъ отношеніяхъ очень характерныя. „Прежде Лѣвъ Николаевичъ ѣздилъ въ первомъ классѣ, а я во второмъ. Теперь Лѣвъ Николаевичъ ѣздитъ въ третьемъ классѣ, а я попрежнему во второмъ“. Въ первой же бесѣдѣ со мной, на слѣдующее утро по моемъ пріѣздѣ, она въ рѣшительныхъ и необычайно откровенныхъ выраженіяхъ, свойственныхъ ей, очертила мнѣ свое отношеніе къ „новымъ принципамъ“ Льва Николаевича, рассказала, съ очень интересными подробностями, объ упомянутой драмѣ ихъ семейной жизни, — въ періодъ его душевнаго перелома, провела рѣзкую границу между своимъ и его образомъ мыслей. Послѣ перваго же разговора съ нею мнѣ стало ясно, что эта женщина, сохранявшая въ пятьдесятъ лѣтъ горделивую строгую фигуру и блескъ въ темныхъ, твердо смотрящихъ глазахъ, дѣйствительно должна быть сильна въ борьбѣ — даже съ великимъ человѣкомъ... Бить можетъ, самая эта борьба укрѣпляла и развертывала природныя силы ея цѣльнаго, несложнаго характера, въ то время, какъ ея здравый и трезвенный умъ обогащался психологическимъ содержаниемъ отъ постоянного общенія съ великимъ художникомъ. Впослѣдствіи она читала мнѣ свою „Крейцерову сонату“, вещь, написанную ею, такъ сказать, въ отвѣтъ на знаменитую „Крейцерову сонату“ ея мужа, — вещь содержательную, яркую, пол-

ную внутренняго огня, имѣющую не только огромный біографическій интересъ, но и самостоятельное художественное значеніе. На нѣкоторыхъ страницахъ ея какъ бы чувствуется отблескъ художественнаго гения, которому она долгие годы помогала въ его трудахъ. Я думаю, что записки графини Толстой, которыя она, судя по газетамъ, недавно передала на сохраненіе въ Румянцевскій музей, — при ея откровенности и ея несклонности затуманивать принципиальную рознь ея съ мужемъ, сказавшуся во всей силѣ со времени его духовнаго возрожденія, будутъ самымъ цѣннымъ документомъ для пониманія великаго писателя“.

А вотъ какъ описываетъ графиню Толстую г. Розановъ въ „Нов. Вр.“: „Сперва вышла Софья Андреевна, вся сильная, красивая (несмотря на 59 л.), умная; вышла, какъ буря. Не умю иначе сравнить впечатлѣнія. Конечно, она говорила не громко; конечно, не сказала ничего рѣзкаго. „Буря“ была внутри ея, какъ источникъ скрытыхъ, невыраженныхъ движеній, какъ родникъ возможностей. Она мнѣ очень понравилась, чрезвычайно. Все красивое и сильное мы невольно любимъ. Такъ какъ я специалистъ по семейному вопросу, то она мнѣ сообщила, что у нея было (кажется) четырнадцать дѣтей и она сама ихъ всѣхъ выкормила. Конечно, она сдѣлалась еще привлекательнѣе въ моихъ глазахъ; русская, она мнѣ показалась какъ бы римлянкой, патриціанкой. „Настоящая патриціанка“. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ ней было столько твердости, непоколебимости, такое отсутствіе „бить или не бить“, — что, хотя она и строгая церковница, увѣренная и отчетливая, — но тайны Іисусовой какъ бы вовсе и не приходило на землю, до нея и для нея. Римлянка II—I вѣка до Р. X.“

— Прекрасна. Но вся земная.
Такъ я подумалъ“.

Розан. Мемуары № 1308 № 832

Печать.

* * Чествованію Л. Н. Толстого посвящено статью и „Рус. Знамя“. „Нов. Вр.“ по этому поводу пишетъ:

„Всѣ газеты, кромѣ „Колокола“, полны гр. Л. Н. Толстымъ. Даже передовая „Русскаго Знамени“ посвящена ему. Но что это за статьи! Можно подумать, что она написана специально для „искателей перловъ“ этого рода. Во-первыхъ, признается, что Л. Н. Толстой — „жидовская креатура, и не буди жидовъ, никто и не подумалъ бы чествовать его. Оказывается, и „Новое Время“ поддало подъ ихъ вліяніе. Дальше идетъ какая-то неясная галиматья.“

Словомъ, нѣчто для психіатра.

Розан. Мемуары № 832 № 1308

Наука и искусство.

Распространение сочинений Л. Н. Толстого совершенно безпримѣрно для Россіи. Полнаго собранія его сочиненій въ десяти изданіяхъ разошлось болѣе 80 тыс. экзempl. Изъ отдѣльно изданныхъ произведеній наибольшаго распространенія достигли:

„Кавказскій плѣнникъ“ — около 250 тыс. экз.

„Хозяинъ и работникъ“ — около 200 тысячъ.

„Чѣмъ люди живы“ — около 150 тыс.

„Власть тьмы“ — около 140 т.

„Богъ правду любитъ“, „Много-ли чело-
вѣку нужно земли“, „Осада Севасто-
поля“, „Первый винокуръ“, „Воскресеніе“,
„Три смерти“ и другія — отъ 180 до 100
тысячъ.

Подсчетъ переводовъ произведеній Толстого, сдѣланный г. Венгеровымъ въ Британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, и от-
дѣленіи „Rossica“ спб. публичной библю-
теки, далъ поразительные результаты. Отдѣльно изданныхъ переводовъ, которые представляютъ собой незначительную часть того, что переводится изъ Толстого въ газетахъ и журналахъ, вышло: на нѣмецкомъ языкѣ — болѣе 200, на французскомъ — 150, на англійскомъ — около 175, шведскомъ и датскомъ — около 50; на всѣхъ остальныхъ, вплоть до японскаго, татарскаго, индусск. и др. — отъ 1 до 20. Первая попытка перевода Толстого была сдѣлана въ 1870 г., въ Греціи. Во Франціи

великому чело-
вѣку — дома-музея имени Л. Н. Толстого. Согласіемъ на участіе въ такихъ спектакляхъ мы уже заручились со стороны: М. Г. Савиной, В. В. Стрѣль-
ской, К. А. Варламова, К. Н. Яковлева, З. В. Холмской, М. А. Вѣтринской, Ю. М. Корвина-Круковского, А. Новинскаго, А. Пантелѣева, г. Ангарова, г. Кіенскаго и другихъ. Настоящимъ письмомъ мы при-
зываемъ и другихъ нашихъ товарищей по профессіи въ столицахъ и провинціи принять участіе въ устройствѣ подоб-
ныхъ спектаклей для усиленія фонда имени Л. Н. Толстого. Этимъ мы внесемъ и свою лепту въ дѣло созданія въ Петер-
бургѣ дома-музея имени Л. Н. Толстого, дѣло, починъ которому уже положенъ русскими писателями и русскими худож-
никами.

Заслуженный артистъ Император-
скихъ театровъ В. Н. Давыдовъ.

Артисты Императорскихъ театровъ:

Г. Г. Ге.

Ю. Э. Озаровскій.

Ю. М. Юрьевъ.

В. И. Петровъ.

Н. Н. Ходотовъ.

Рис. Маминъ № 832 дд. 1908

ЗАМѢТКИ.

"Рижскій Вѣстникъ" отвѣлъ свою дшу, лягнувъ лѣва.

По поводу замѣчанія г. Розанова, чт Л. Н. Толстой любитъ русскій народъ любить русскаго человѣка, "Рижскі Вѣстникъ" въ передовой статьѣ пишетъ: "Эта любовь не мѣшала Толстому вредитъ ему, развращая его умъ и волю, и издѣваться надъ тѣмъ, что для него дорого свята".

Только это и сумѣла сказать редакці "Рижскаго Вѣстн." о великомъ писател земли русской.

Всякія бывають редакціи. Обѣ оди изъ нихъ въ воспоминаніяхъ о Толсто разсказивають въ "Гол. Москвы" г. С бирскій.

Л. Н. Толстой сообщилъ въ редакці одной газеты по телефону, что непри тнѣею разсказы одного молодого чело ка Л. имъ выправлены, и просилъ и напечатать.

Секретарь редакціи выразилъ, коно, свое согласіе. Передаемъ далѣе е разсказъ:

"Иду немедленно въ кабинетъ реда тора и передаю ему дословно всю бесѣ по телефону, заранѣе увѣренный въ исх дѣ ршенія.

Но, къ крайнему удивленію, слышу отъ господина редактора цестрой газеты нижеслѣдующее:

— Что такое Толстой? И почему его мнѣ для насъ обязательно?

— Я!

— Ну что такое Толстой? Ивановъ, Петровъ, Сидоровъ—мы печатаемъ то, что хотимъ...

— Толстой — это Толстой...

Въ результатъ господинъ редакторъ не призналъ авторитета Толстого и категорически отказалъ ему во всемъ".

Но на этомъ дѣло не кончилось. Толстой самъ пришелъ въ редакцію:

"Входитъ Левъ Николаевичъ въ редакціонную переднюю и говоритъ дежурному курьеру:

— Доложите редактору, что пришелъ графъ Толстой и желаетъ его видѣть.

Курьеръ покосился на полусубокъ писателя, но промолчалъ и пошелъ докладывать не редактору, котораго въ этотъ день не было, а управляющему конторой изданія.

— Пришелъ какой-то старикъ въ полусубокъ и называетъ себя графомъ Толстымъ. Что прикажете съ нимъ дѣ лать?

Управляющій, надменный и невѣже ственный господинъ, рѣшилъ быстро:

— Позвать его сюда...

Толстой вошелъ вмѣстѣ съ начинаю щимъ авторомъ.

Произзошелъ діалогъ.

— Я графъ Толстой.

Управляющій конторой съвысока огля дѣлъ посѣтителя.

— Графъ? Сомнѣваюсь... Едва ли...

Великій писатель улыбулся.

— Нѣтъ. Я графъ Толстой. Мнѣ нуж но бы видѣть редактора.

Въ это время маленькій конторщикъ, который наблюдалъ эту сцену издали, подбѣжалъ къ важному управляющему и съ рыданіемъ въ голосъ заговорилъ:

— Что вы дѣлаете! Вѣдь это Левъ Николаевичъ Толстой! Я узналъ его по портрету.

Управляющій сурово возразилъ:

— А что такое Левъ Николаевичъ Толстой? Вотъ онъ называетъ себя гра фомъ—это подозрительно!

Такъ Левъ Николаевичъ и ушелъ, не добившись ничего.

Риж. Месс. № 332 № 1908

Москва. Музей имени Толстого. "Гол. Москвы" отмѣчаетъ, что при Историче скомъ музѣ въ Москвѣ организовать, по почину гр. С. А. Толстой, музей имени Л. Н. Толстого. Гр. С. А. Толстая въ те ченіе многихъ лѣтъ собирала переписку Льва Николаевича, хранила черновики его произведеній, собирала различныя релик вии. Когда стало небезопасно хранить все это въ деревянномъ домѣ, Софья Андреев на передала все наиболее драгоцѣнное на храненіе сначала въ Румянцевскій, а по томъ въ Историческій музей въ Москвѣ. Въ этомъ послѣднемъ ему отведена от дѣльная комната и часть сѣбидного по мѣщенія. Здѣсь хранятся черновики мно гихъ произведеній, переписка Льва Нико лаевича съ друзьями, а также многія ве щи, лично принадлежавшія великому пи сателю. Среди нихъ находятся,—стоитъ письменный, изображенный на картинѣ Ге, различныя ордена и знаки, сапожный инструментъ, игральныя карты, черниль ница и перья, охотничьи ружья и многое другое. Здѣсь собраны скульптурныя изо браженія Льва Николаевича, домашнія фотографии, масляные портреты и мини атуры.

Саратовъ. Проповѣди о Толстомъ. "Сар. Вѣстн." сообщаетъ, что въ мѣстномъ ка едральномъ соборѣ были произнесены двѣ проповѣди о Толстомъ: Первымъ го ворилъ пресвященныи Гермогенъ. Онъ характеризовалъ Толстого, какъ писателя, который, благодаря своему таланту, особен но опасенъ для православно-вѣрующихъ христіанъ. Сказавъ о силѣ и красотѣ про изведеній Л. Н. Толстого, пресвященныи замѣтилъ: "Онъ своими произведеніями, какъ бы нѣкими щупальцами, проникать въ душу и сердце человѣка и произво дилъ тамъ полное нравственное опустоше ніе". Вообще, по мнѣнію владыки, Толстой събѣ безнравственность и даже своими произведеніями подготовилъ ужасы рево люціи. Въ рѣчи еп. Гермогена Толстой неоднократно назывался "безстыднымъ и нравственно падшимъ разбойникомъ пера".

О. Кречетовичъ началъ съ того, что упрекнулъ гор. думу: "Всѣ ждали, что она въ первую очередь займется вопро сомъ о расширеніи собора, а вмѣсто этого дума "валялась за пустыя — стала обсуж дать вопросъ о присоединеніи къ всерос сійскому чествованію Толстого, имя кото раго не слѣдовало бы и упоминать въ храмѣ Божьемъ". Дальнѣйшая часть рѣ чи О. Кречетовича по содержанію и духу была продолженіемъ сказаннаго пресвя щеннымъ. Во время рѣчи К—ча кто-то, какъ сообщаетъ "Сар. Л.", крикнулъ: "До вольно ужъ, господиновъ Кречетовичъ". Че ловѣка этого вывели изъ собора.

Риж. Месс. № 332 № 1908

никовъ Толстого, какъ пишущій эти строки, безконечно радостно было другое: радостно было слышать во всѣхъ этихъ привѣтствѣхъ сотенъ тысячъ его почитателей восторженную благодарность за то великое дѣло возрожденія человѣчества, учениемъ любви, надъ которымъ уже болѣе четверти вѣка безсмыслино, напрягая всѣ силы своей души, трудится великій пахарь и сѣятель земли Русской и всего человѣчества.

Само собою разумѣется, что огромное большинство привѣтствъ чувствуетъ Толстого и какъ гениальнаго художественнаго творца; но Толстой, какъ апостолъ любви, пророкъ братства, великій борецъ съ насиліемъ и „властью тьмы“ (слова, особенно часто повторяемая въ телеграммахъ), чувствуется прежде и прѣвыше всего. Для этого стоитъ только бросить самый бѣглый взглядъ на эти огромныя пачки телеграммъ и писемъ.

Выдержки изъ нѣкоторыхъ, наиболѣе содержательныхъ и трогательныхъ по своей искренности и глубинѣ чувства, я постараюсь сообщить на этихъ дняхъ.

Возвращаюсь ко вчерашнему дню.

Около дома толпились испоконныя ребятишки, получившіе уронъ по корбѣ конфетъ съ видами Ясной Поляны, присланными для нихъ для этого дня изъ Петербурга Жоржемъ Борманомъ. (Взрослые же крестьяне получили по копейкѣ изъ сотенъ копѣй, присланныхъ съ этою цѣлью однимъ фабрикантомъ копей съ копей).

Собрались потомъ на балконѣ дома, ребятишки съ шумнымъ весельемъ разбирали себѣ для чтенія книжки изъ груды посредниковскихъ дѣтскихъ книжечекъ, принесенныхъ для нихъ изъ дома.

До обѣда въ Ясную Поляну съѣхались всѣ сыновья Льва Николаевича (исключая Льва Львовича, гостящаго въ Швецію у отца большой въ данную минуту своей жены). Старшая дочь Льва Николаевича, Татьяна Львовна, недавно только пріѣхала въ Ясную Поляну навѣстить больного отца и провести съ матерью день рожденія.

Кромѣ семьи и родныхъ, въ Ясной было только нѣсколько (очень немногo) изъ наиболѣе близкихъ Льву Николаевичу его друзей, проводившихъ либо вблизи него, и такихъ старинныхъ друзей дома, какъ М. А. Стаховичъ.

Къ обѣду Левъ Николаевичъ выѣхалъ на своемъ подвижномъ креслѣ, которое было поставлено такъ, что онъ могъ видѣть всѣхъ сидящихъ за столомъ. Передъ началомъ обѣда онъ дружески бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ гостей.

Послѣ того, какъ онъ побылъ послѣ обѣда немного одинъ у себя въ кабинетѣ, его опять вывели въ залъ, гдѣ онъ и оставался въ теченіе двухъ часовъ. Сначала, чтобы не утомляться много разговаривая, Левъ Николаевичъ игралъ въ шахматы съ А. В. Гольденвейзеромъ, частымъ его шахматнымъ партнеромъ. Потомъ онъ бесѣдовалъ на разныя темы съ нѣсколькими собравшимися около него гостями.

Вышедъ среди нихъ извѣстный переводчикъ сочиненій Генри Джорджа С. Д. Николаевъ, обратилъ особое вниманіе Льва Николаевича на прішедшій въ этотъ день замѣчательный по содержанию своему адресъ, содержавшій въ себѣ привѣтствіе Льву Николаевичу отъ союза Австральскихъ лигъ земельной реформы (единого налога), подписанное предѣдателями и секретарями всѣхъ земельныхъ федераций Австраліи. Левъ Николаевичъ, прочитавшій адресъ этотъ думалъ только мелькомъ, просилъ теперь принести его вновь, перечелъ его съ глубокимъ

вниманіемъ и сейчасъ тутъ же, въ залѣ, среди общаго кругомъ оживленнаго разговора, продиктовалъ своему секретарю, П. Н. Гусеву, отвѣтъ, говорившій о томъ, что онъ радъ ихъ добруму къ нему отношенію и что онъ до послѣднихъ дней своихъ будетъ работать для общаго съ ними дѣла освобожденія земли отъ частной собственности.

Въ австрайскомъ адресѣ говорилось:

„Глубоко чтимый учитель!“

Мы, ученики и послѣдователи Генри Джорджа со всей Австраліи, называющіе себя сторонниками единого налога, желаемъ присоединиться къ тѣмъ выраженіямъ любви и уваженія, которыя будутъ нести къ вамъ со всѣхъ концовъ міра въ тотъ день, когда вы достигнете почтеннаго восьмидесятилѣтняго возраста.

Исторія знаетъ немногo людей, которыхъ Богъ одарялъ бы такимъ гениемъ, каковыя отличались вы, и того менѣе людей, которые отдавали бы свой гений на служеніе столь благороднымъ дѣламъ. Какъ великая нравственная сила того историческаго періода, который мы переживаемъ, вы господствуете надъ царями и властителями и будете направлять человѣческую жизнь въ то время, когда они и дѣла ихъ будутъ забыты. ваша любовь къ собратьямъ-людямъ, ваша готовность выступить на защиту всѣхъ угнетенныхъ, повсюду возпламеняла отбѣтную любовь въ сердцахъ людей, жизнь которыхъ приобрѣла смыслъ и желанія которыхъ облагораживались, благодаря вашему примѣру и ученію.

Когда мы узнали, что вы приняли такіе ученіе нашего дорогаго покойнаго учителя Генри Джорджа, мы съ большою симбіюстью стали останавливать тѣ идеалы, къ которымъ мы стремимся, и съ болѣею увѣренностью стали думать о осуществленіи того Царства Правды, въ которомъ справедливость будетъ закономъ общественныхъ отношеній и любовь—закономъ личныхъ отношеній между людьми.

Не только для насъ, но и для всѣхъ, искренно стремившихся многоразличными путями улучшить міръ для тѣхъ, которые придутъ въ него послѣ насъ, ваша жизнь и ваше ученіе будутъ источникомъ вдохновенія и останутся имъ на всѣ вѣка. Когда же настанетъ время и вы присоединитесь къ отцамъ вашимъ, это вдохновеніе и память о васъ будутъ сохраняться среди челоуѣчества, какъ самое драгоцѣнное его достояніе.

Но да будетъ далекъ этотъ день и да продолжатъ ваши годы радостнаго служенія высочайшимъ интересамъ вашихъ собратьевъ-людей“.

Прослушавъ потомъ сыграннаго ему, по его просьбѣ, А. В. Гольденвейзеромъ дѣтскія фортепіанныя пьесы, Левъ Николаевичъ просилъ увести его къ себѣ.

Вскорѣ послѣ этого разошлись и разѣхались всѣ остальные.

На другой день съ ранняго утра Левъ Николаевичъ уже былъ за работою, диктуя своему секретарю.

Вскорѣ, вѣроятно, онъ уже будетъ въ состояніи работать самъ за своимъ письменнымъ столомъ, такъ какъ вчера онъ уже вставалъ на короткое время на ноги, и въ Креслахъ домашній врачъ, Д. Малосейскій, просилъ его еще побить только изъ предосторожности.

А привѣтствія изъ всѣхъ концовъ міра все прибываютъ и прибываютъ въ Ясную Поляну...

И. Горбуновъ-Посадовъ.

29 августа
Ясная Поляна.

Нов. Рун. 1^е сент. 1908

Книги и писатели.

Очень интересно опубликованное в „Огонькѣ“ письмо Л. Н. Толстого къ покойному Л. Е. Оболенскому о дѣлѣ жизни. По мнѣнію Толстого, люди не могутъ и не должны ставить себѣ орудѣнной дѣлѣ жизни.

„... Если,—писалъ Толстой,—есть дѣлѣ, то она должна быть достигнута, и тогда конецъ. Для міра вообще есть только жизнь, для участниковъ въ жизни міра есть и можетъ быть только направленіе, путь. Кромѣ того: при первой точкѣ зрѣнія предполагается, что вся дѣятельность человѣка состоитъ или по крайней мѣрѣ руководима знаніемъ, и что для достиженія дѣлѣ необходима преимущественно (исключительно, думаютъ часто) дѣятельность умственная. При второй же точкѣ зрѣнія человѣкъ, зная только направленіе, идетъ за то по своему направленію весь со своими и нервами, и мускулами, и потами, т. е. весь подчиняется тому направленію, какое одно онъ знаетъ, и съ каждымъ шагомъ видитъ новыя вѣхи на пути, но никогда не видитъ и не можетъ видѣть дѣлѣ. И только при этомъ условіи человѣкъ можетъ входить въпуть тому направленію, по какому онъ идетъ и исполняетъ то, что требуетъ отъ него разумъ. Только ставъ въ условія поддержанія и размноженія жизни, согласнаго съ разумомъ, только съ начала пути всѣмъ существомъ избравъ единственное истинное направленіе-путь, онъ можетъ съ полной увѣренностью идти дальше и-сознавать себя въ согласіи и единеніи съ разумомъ. Чѣмъ ближе эти условія, тѣмъ вѣрнѣе, тѣмъ дальше, тѣмъ сомнительнѣе. Все это я говорю, однако, не съ тѣмъ, чтобы ослабить важность нашего положенія о томъ, что жизнь не можетъ состоять въ поддержаніи и размноженіи ея, и чтобы уклониться отъ глубокаго и важнаго вашего вопроса.

По слабости своей, по непознавѣ подчиненія своей всей жизни разуму я ставлю и ставилъ себѣ этотъ вопросъ и старался отвѣтить на него. Если бы я вполнѣ слѣлся съ жизнью разума, вполнѣ жилъ въ согласіи съ закономъ міра, я бы и не подумалъ объ этомъ. Но долженъ сказать, что не приписывать имъ важности. Это мечтанія, которыя волея-неволея приподать въ голову. Мнѣ представлялось такъ: законъ жизни органической есть борьба, законъ жизни разумной, сознательной есть единеніе и любовь. На жизни органической—жизни борьбы рождается

Нов. Русск. 1^е Сент. 1908

„Очень просто“, какъ говорить Никита по „Ва. Тѣмъ“.

*** Кстати „очень просто“ и даже простого проще сдѣлали съ юбилеемъ Толстого въ Одессѣ:

тамъ газеты 28 августа вышли безъ одного слова о Толстомъ.

Конечно, — говорить «Одес. Слово», — если мы вспомнимъ, что въ Одессѣ — генералъ Толмачевъ, то должны приуготовить этого молчанія.

Генералъ приказалъ, — и Лева Николаевича Толстого не стало. Подписалъ бумагу, — и вычеркнулъ половину русской литературы. Издалъ циркуляръ, — и потребилъ имъ «Войну и миръ», «Анну Каренину», «Воскресеніе».

Мы думали, что Щедрина выдумалъ того своего героя, который вѣхалъ на блонъ конѣ въ гнѣзнь и уразднилъ науки. Жизнь пошла дальше Щедрина...

Вѣтъ можетъ, вы пожелаете познакомиться съ іезуитско-реторическимъ вопросомъ? Прочтите „Колокола“. Почему вся Россія отнеслась такъ холодно (!!) къ юбилею бесспорно великаго таланта? А вотъ и отвѣтъ:

Синодъ не устранился еврейско-сектантской рати и даже надлежащее наставленіе чадямъ православной церкви, какъ относиться къ гр. Толстому.

Послушавшійся синода, одесскія газеты и приносили... Ген. Толмачевъ упрямилъ ихъ, умаливалъ. А онъ все стоялъ на своемъ: „нѣтъ вы хотя, вашество, изъ города насъ вышлите, а мы противъ синода не пойдѣмъ“.

И что странно: печатъ то вѣдь „еврейская“...

Нов. Русск. 1^е Сент. 1908

Въ „Русск. Вѣд.“ помѣщено сообщеніе о состояніи здоровья Л. Н. Толстого. Силы больного быстро возобновляются и Л. Н. по всей вѣроятности вскорѣ уже будетъ имѣть возможность работать за своимъ письменнымъ столомъ. Вчера онъ впервые всталъ на ноги и промѣлся по комнатѣ.

Нов. Русск. 1^е Сент. 1908

Кіевскій миссіонерскій съѣздъ, синодское посланіе противъ Л. Н. Толстого—все это даетъ основаніе вспомнить и о судебномъ казусѣ, имѣющемъ ближайшее отношеніе къ манифесту 17 апрѣля 1905 г. и имѣвшемъ мѣсто въ декабрь прошлаго года на выѣздной сессіи витебскаго окружнаго суда въ г. Лепель.

Нов. Русск. 1^е Сент. 1908

Провинція.

Харьковъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Письмо Л. Н. Толстого.

Живущий въ Харьковѣ А. М. Бодянский, авторъ книги о духоворахъ, обратился къ Л. Н. Толстому съ письмомъ по поводу юбилея Л. Н., въ которомъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: «Когда люди хотятъ дешевымъ способомъ выразить высокія свойства, — храбрость, святость, сочувствіе правдѣ, — они совершаютъ обряды, устраиваютъ празднества.

Обряды, празднества, юбилеи, все это исходить отъ дурного стремленія наружно показать себя больше того, чѣмъ способны сдѣлать.

Трудно было сдѣлать, жить по заповѣдямъ Христа, а совѣтъ повелѣваетъ, — они и выдумали культы, вѣнчаніе, поклоненіе, вопреки протесту Самого Христа, сказавшаго, что Богъ имѣетъ поклонниковъ только въ духъ и истинѣ.

Опаснымъ кажется прямой протестъ противъ насилія и неправды, а сдѣлать это заставляютъ даже собственные интересы, — они и придираются къ какому-нибудь случаю, чтобы сдѣлать безопасную для себя демонстрацію.

И вотъ, значител. ную часть шумливости вашего юбилея приходится признать зависимою именно отъ такой причины.

И вотъ когда, какъ мнѣ кажется, было бы кстати возвысить снова со свойственной вамъ энергіей голосъ и, въ соотвѣтствіи съ недавно высказаннымъ, повторить еще разъ: «Не могу терпѣть!», но только совѣтъ по другому адресу.

Не могу терпѣть вашихъ привѣтствій и поздравленій, и ваши похвалы ненавидитъ душа моя.

Опомнитесь, приобретите мужество, уничтожьте между собой распри, отвернитесь отъ личныя и партійныя интересовъ въ дѣлѣ служенія добру и правдѣ, научитесь единодушію и самоотверженію, тогда приходите и станьте рядомъ.

Такъ сказать бы я на вашемъ мѣстѣ.

Левъ Николаевичъ Толстой отбѣтилъ слѣдующимъ письмомъ отъ 1-го сентября:

«Письмо ваше тронуло меня, милый Александръ Михайловичъ. Вы совершенно правы, по сказать въ моихъ положеніи то, что вы мнѣ совѣтуете, нельзя, потому что если есть хоть одинъ изъ тысячи привѣтствовавшихъ меня людей искренній, — а я не имѣю права сомнѣваться ни въ одномъ, — то какъ я имѣю право оскорблять ихъ? Мысль же ваша совершенно справедлива и сочувственна мнѣ. Чѣмъ ближе я подхожу къ смерти, тѣмъ сильнѣе у меня увѣренность, что то, чего мы оба съ вами одинаково желаемъ, неизбежно совершится, т. е. наступитъ хоть отчасти замѣтное осуществленіе того Царства Божія, къ которому я, какъ могъ, старался двигаться хоть иногда въ моей жизни. Любящій васъ Левъ Толстой».

Юбилейное чествование Л. Н. Толстого.

Полученные вчера письма наших корреспондентов и провинциальных газет принесли новые известия о том, как прошел в провинции день 80-летия рождения Л. Н. Толстого. Этими сообщениями мы дополним помещенное у нас (см. № 201) описание этого дня. Въ Киевъ знаменитая толстовщина была отмечена засѣданіемъ Общества народныхъ университетовъ („Общества содѣйствія распространению образованія въ народѣ“). Засѣданіе началось въ 9 час. вечера, но уже черезъ полчаса было закрыто представителями полиціи. Собраніе, посвященное вопросу о способахъ чествованія Л. Н. Толстого, открылось рѣчью проф. Перца, выиспанной значительнаго количества хулиганіемъ. Рѣчь, чрезвычайно сдержанная по формѣ, была дважды прервана помощникомъ полицеймейстера. Ораторъ былъ вынужденъ скопѣть рѣчь и перейти непосредственно къ практическимъ предложеніямъ. Затѣмъ говорилъ проф. Ивановъ о педагогическихъ взглядахъ Л. Н. Толстого. Однако въ самомъ началѣ ему было сдѣлано престоосеженіе, послѣ котораго собраніе было закрыто полиціей. Присутствовало на засѣданіи около 150—200 чело. Редакція мѣстныхъ газетъ, служащие различныхъ учрежденій, профессиональные союзы и другіе послали юбиляру нѣсколько привѣтствій и адресовъ. Ожидается рядъ лекцій (уже разрѣшенныхъ).

По словамъ *Кіевскихъ Вѣстей*, правленіе мѣрскаго Общества распространенія образованія въ народѣ возбуждаетъ ходатайство передъ книгоиздательствомъ „Шиповникъ“ о разрѣшеніи Обществу издать на свой счетъ до 10,000 экземпляровъ разсказа Л. Андреева „О семи повѣшенныхъ“, съ цѣлью распространить по дешевой цѣнѣ.

Въ *Нижнемъ-Новгородѣ* мѣстное общество не могло ознаменовать юбилей общественнымъ торжествомъ: на всѣ предложенія празднованія юбилей, даже самыя скромныя, было наложено запрещеніе. Пришлось ограничиться привѣтственными телеграммами и письмами, которыя и были отправлены 28-го августа въ Ясную Поляну. Привѣтствія посланы архинной комиссіей, комитетомъ Пушкинской читальни, советомъ Общества начального образованія, комитетомъ городской публичной бібліотеки (тексты были представлены на предварительное рассмотрениеъ губернатора по его желанію), служащими мѣстныхъ отдѣленій русско-торгово-промышленнаго банка, русскаго для внѣшней торговли и полкокамскаго банка, служащими частныхъ конторъ, отъ служащихъ губернской земской управы (100 подп.), служащихъ городской управы (56 подп.), торговыхъ служащихъ (сотни подписей), городскихъ рабочихъ (сотни подписей), сормовскихъ рабочихъ, отъ многихъ частныхъ лицъ и т. д. Интересно въ адресъ городскихъ рабочихъ: „Дорогой Левъ Николаевичъ! Въ день 80-лѣтняго вашего рожденія мы, нижеподписавшіеся нижегородскіе рабочие и работницы, привѣтствуемъ васъ какъ выразителя смѣлаго и правдиваго слова, какъ проповѣдника добра и обличителя зла, лжи, обмана и варварской жестокости, съ чьей бы стороны она ни происходила. Хотя среди насъ есть лица, вовсе не согласныя съ вашимъ ученіемъ, тѣмъ не менѣе почти каждый изъ насъ, читая ваши сочиненія, чувствуетъ потребность нравственнаго очищенія; они содѣлаютъ въ душѣ читающаго благородное чувство, способное направлять человѣка на самопожертвованіе ради общаго блага, они вызываютъ въ душѣ читателя отвращеніе ко всему ложному, дурному и жестокому. И это въ насъ вызываетъ къ вамъ искреннее чувство глубокаго уваженія“.

Въ *Одессѣ* только одна газета (*Одесское Обозрѣніе*) отпѣтила юбилей мигроскопической замѣткой такого содержанія:

„Сегодня весь мыслящій миръ чествуетъ знаменательный день,—день 80-лѣтняго со дня рожденія великаго писателя земли русской Льва Николаевича Толстого“.

Въ *Кішиневѣ*, какъ мы отпѣвали въ первомъ очеркѣ, губернаторомъ было разрѣшено собраніе по поводу юбилея. Собраніе это, какъ видно изъ сообщенія *Бессарабской Жизни*, должно было происходить при особенныхъ условіяхъ. Въ *Бессарабской Жизни* было помещено обращеніе „къ обществу“.

„Устроители сегодняшняго собранія, покорѣннѣе просятъ всѣ Общества и кружки, которые пожелають, чтобы ихъ привѣтственныя телеграммы, посылаемыя великому юбиляру, были оглашены въ собраніи, непремѣнно доставить ихъ въ редакцію *Бессар. Жизни*, которая представитъ ихъ для предварительнаго просмотра. Безъ одобренія администраціи ни одна телеграмма не можетъ быть оглашена. Далеко такъ какъ входъ на собраніе бесплатный и поэтому можно ожидать, что залъ Благороднаго собранія будетъ переполненъ, распорядители просятъ занимать мѣста по билетамъ, во избѣжаніе безпорядковъ и излишняго шума въ залѣ. Наконецъ, самое главное, распорядители убедительнѣе просятъ не прерывать референтовъ во время чтенія аплодисментами или иными знаками одобренія. Мы должны помнить, что малѣйшее нарушеніе строгой корректности сегодняшняго собранія, помимо того, что можетъ вызвать административное воздѣйствіе, огорчитъ прежде всего великаго юбиляра, покой котораго теперь, во время его болѣзни, мы особенно должны беречь“.

Московскія вѣсти

Советомъ московскаго университета отправлена Л. Н. Толстому слѣдующая телеграмма: „Советъ старѣйшаго русскаго университета въ первомъ своемъ засѣданіи послѣ лѣтнихъ каникулъ постановилъ привѣтствовать великаго русскаго писателя по случаю исполнившагося восьмидесятилѣтняго его жизни, отданной гонимому твердому и неутомимому исканію истины“.

Ред. Вѣдом. 1^е Сент. 1908

1 cenz. 63 N 202.

Dzimtenes Vēstnesis.

Rīgas un Jelgavas arhiepiskop^o
Agatangels šorīt no Peterburgas cerabās
Rīgā.

Turgeneva un Tolstoja parvādītās goda
un peeminas deenas atgādināja daudzi veiktā ar
to, ka dekoreja štatu logos ar šo rakstnešu
gihmetnem. G.

Arabafčina letzija 31. augustā „Miejā”
par grāfu L. N. Tolstoju bij pērmiltsje klauz-
tājus it bogaļā štātā, tā plaščā sahle un ga-
lerija bij gluschi pilnas. Preetščlofistajs apsta-
tija galvenā lahriā Tolstoju tā beletristu un pa-
dala tā filosofu, paejot garam žitai wina dar-
bibai. Pēc tam, apluhšojot Tolstoja literatistšos
darbus, preetščlofistajs tos nehma šalārā ar
Tolstoja biografiju. Preetščlofistajs šawā letzijā
totti ušwehtra šawu nazonalo redžes punktu:
Tolstoja nošihmi preetšč freeweem un freewu
mahšklas. Tai freišai pušej, šura nazonalo ele-
mentu lahga negriib ašihst mahšklā, pat pēc Tol-
stoja japhrleezinojās, žif leela loma tam tomehr
pectriht pat pirmšlasīgōs mahšklas darbōs. Aš-
rahdijs uš nošwineto Tolstoja jubileju, lektors
raši apluhšoja Tolstoja behrnibu, gadus uniwēr-
sitate, wina Kaukafijas un Sewastopoles šah-
stus, bet šewižhsti šihst pašawejās pēc Tolstoja
„Karsč un meers” un „Annas Kareuinas”.
Šchos darbus lektors ašina tā eewehrojamasos
freewu agrareešhu pašaušes ašpogulojumus
dšimbuhššanas atželsšanas laikā. Šihsti ana-
lijejis eewehrojamasos tišpus šahints darbōs,
lektors konstatēja „Kaza un meera” un „Annas
Kareuinas” leelo mahšklas nošihmi. Par žiteem
darbeem autors runāja ištati. Norahbijumi uš
Tolstoja mahšklas ušwaru par wina preineckeem
sagehla juštunigus applausus no klausitaju pu-
šes. Lektors zehla preetščā šawu letziju beej-
gan šaistohči. R.

Mahšklas albums, šuru Rīgas fotografu
beedriba dāwina grāfam Tolstojam wina 80-
gabū jubilejā, ištitts uš trim deenam „Wuglera
weifala štatu logā Aleksandra eelā Nr. 36 pub-
litas apštatišganai.

1008

28 августа в Ясной Поляне.

Г. Горбуновъ - Посадовъ пишетъ въ "Нов. Русь" изъ Ясной Поляны: Природа въ Ясной Полянѣ окружила радостно сверкающей рамою очаровательно прекраснаго золотого осенняго дня восьмидесятилѣтіе Льва Николаевича. Съ ранняго утра двери, выходящая изъ кабинета его на балконъ, были широко открыты, и хрустально чистый воздухъ широкими теплыми волнами лился въ кабинетъ, гдѣ, сѣвши въ свое кресло, Левъ Николаевичъ пересматривалъ письма и телеграммы. Въ это время его поздравляли родные, потомъ В. Г. Чертковъ представилъ ему г. Райта, привезшаго изъ Англіи покрытый многими стами подписей адресъ отъ англійскихъ почитателей Толстого. Затѣмъ Левъ Николаевичъ началъ свой рабочій день. Онъ работалъ въ этотъ день удивительно много для своихъ понемому только еще крѣпнущихъ послѣ болѣзни силъ. Имъ было продиктовано семнадцать новыхъ мѣстъ для новаго круга чтенія, предназначеннаго для широкихъ народныхъ массъ. Этотъ кругъ чтенія явится какъ бы синтезомъ всей духовной работы Льва Николаевича.

Въ залѣ, на столахъ, на роялѣ лежали пакки съ только что пришедшими адресами отъ общества любителей русской словесности, съ особеннымъ интересомъ читавшія семейству Льва Николаевича, общества дѣятелей періодической печати, общества любителей художниковъ съ альбомомъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, специально для него нарисованныхъ и др.

На одномъ изъ оконъ стояло трогательное подношеніе Льву Николаевичу — заказанный на трудовыя деньги официантами сада "Фарсъ" мельхиоровый самоваръ съ вырѣзанными на немъ изреченіями: "Царство Божіе внутри васъ есть", "Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ", "Не такъ живи, какъ хочешь, а какъ Богъ велитъ", и потомъ перечисленіе именъ поднесшихъ. На самоварѣ висѣло шитое русскимъ узоромъ полотенце съ такими же подписями отъ этихъ труженниковъ. Имъ присланъ былъ еще прекрасный адресъ. Сотни привѣтственныхъ писемъ, адресовъ, телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи и многочисленныя письма изъ-за границы, лежали уже просмотрѣнными въ шкапу для корреспонденціи. Все время изъ Засѣвки, Ясенюкъ, Тулы привозились новыя пакки писемъ и множество телеграммъ. Около дома толпились яенопольскіе ребятишки, получившіе утромъ по коробкѣ конфетъ съ видами Ясной Поляны, присланными для нихъ для этого дня изъ Петербурга Жоржемъ Борманомъ. (Взрослые же крестьяне получили по копейкѣ изъ сотни копѣекъ, присланныхъ съ этою цѣлью однимъ фабрикантомъ копей съ юга). Собравшись потомъ на балконѣ дома, ребятишки съ шумнымъ весельемъ разиравли себя для чтенія книжки изъ груди Посредниковскихъ дѣтскихъ книжекъ, принесенныхъ для нихъ изъ дома.

До обѣда въ Ясную Полянѣ съѣхались всѣ сыновья Льва Николаевича (исключая Льва Львовича, гостящаго въ Швецію у отца больной въ данную минуту своей жены). Старшая дочь Льва Николаевича, Татьяна Львовна, недавно только прѣѣзжала въ Ясную Полянѣ навѣстятъ больного отца и провести съ матерью день рожденія. Кромѣ семьи и родныхъ, въ Ясной было только нѣсколько (очень немногихъ) изъ наиболѣе близкихъ Льву Николаевичу его друзей, проводящихъ лѣто вблизи него, и такихъ старинныхъ друзей дома, какъ М. А. Стаховичъ.

Къ обѣду Левъ Николаевичъ выѣхалъ на своемъ подвижномъ креслѣ, которое было поставлено такъ, что онъ могъ видѣть всѣхъ сидящихъ за столомъ. Передъ началомъ обѣда онъ дружески бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ гостей. Послѣ того, какъ онъ побылъ послѣ обѣда немножко одинъ у себя въ кабинетѣ, его опять вывели въ залъ, гдѣ онъ и оставался въ теченіе двухъ часовъ. Сначала, чтобы не утомляться много разговаривая, Левъ Николаевичъ игралъ въ шахматы съ А. В. Гольденвейзеромъ, частнымъ его шахматнымъ партнеромъ. Потомъ онъ бесѣдовалъ на разныя темы съ нѣсколькими собравшимися около него гостями. Бывшій среди нихъ извѣстный переводчикъ сочиненій Генри Джорджа С. Д. Николаевъ обратилъ особое вниманіе Льва Николаевича на пришедшій въ этотъ день замѣчательный по содержанию своему адресъ, содержащій въ себѣ привѣтствіе Льву Николаевичу отъ союза австралійскихъ лицъ земельной реформы. Левъ Николаевичъ, прочитавшій адресъ этотъ днемъ только мелькомъ, просилъ теперь принести его вновь, перечелъ его съ глубокимъ вниманіемъ и сейчасъ тутъ

же, въ залѣ, среди общаго кругомъ оживленнаго разговора, продиктовалъ своему секретарю, Н. Н. Гусеву, отвѣтъ. Прослушавъ потомъ сыграннаго ему, по его просьбѣ, А. В. Гольденвейзеромъ двѣ фортепیانна пьески, Левъ Николаевичъ просилъ увезти его къ себѣ. Вскорѣ послѣ этого разошлись и разѣхались всѣ остальные.

На другой день съ ранняго утра Левъ Николаевичъ уже былъ за работой, диктуя своему секретарю. Вскорѣ, вѣроятно, онъ уже будетъ въ состояніи работать самъ за своимъ письменнымъ столомъ, такъ какъ онъ уже вставалъ на короткое время на ноги, и въ креслѣхъ домашній врачъ, Д. Маковецкій, проситъ его еще побывать только изъ предосторожности.

А привѣтствія изъ всѣхъ концовъ міра все прибываютъ и прибываютъ въ Ясную Полянѣ...

Рассказъ Маминъ № 334 15 сент. 1908

Полемия немецких консервативных газет из-за Толстовского юбилея. Прогрессивная „Либ. Цейт.“ затронула двух своих товарок словами: „Наши газеты крайнего праваго крыла еще разъ доказали, какъ онѣ намѣренно отдаляются отъ русской духовной жизни. „Балт. Тагесц.“ даже не упоминаетъ о почетномъ праздникѣ великаго русскаго. „Дюна-Цейт.“ отписывается нѣсколькими вымученными словами“. Однако, „Либ. Цейт.“ хвалитъ болѣе либеральную „Риг. Рунд.“ за статью д-ра П. Ш. о Толстомъ. Консервативная „Балт. Тагесц.“ огрызается въ № отъ 1-го сент. и увѣряетъ, что „Дюна-Цейт.“, подчеркнувшая художественныя заслуги Толстого, но не скрывшая своего отвращенія къ его публицистикѣ, поняла Толстого правильнѣе, чѣмъ „Риг. Рунд.“, цѣнящая въ великомъ писателѣ и „великаго художника, и любвеобильнаго, стремительно - блуждающаго человѣка“. Сама „Балт. Тагесц.“ заявляетъ, что къ Толстому-публицисту и политику она относится „совершенно отрицательно“, какъ „къ врагу государства и культуры“. Да и со стороны художественности Толстой, по мнѣнію митавскихъ критиковъ, не „мировая величина...“ Словомъ, „жаль, что незнакомъ онъ съ нашимъ пѣтухомъ“, какъ говорится въ крыловской баснѣ.

Рига, Мессингъ № 334 сент. 1908

Бир. Вост. Л.-См. 1908

28-е августа въ Ясной Полянѣ.

Природа въ самой Ясной Полянѣ окружила радостно сверкающей рамою очаровательно прекраснаго золотого осенняго для восьмидесятилѣтняго Лѣва Николаевича. Съ ранняго утра двери, выходящія изъ кабинета его на балконъ, были широко открыты, и хрустально чистый воздухъ широкими теплыми волнами лился въ кабинетъ, гдѣ, сѣвши въ свое кресло, Лѣвъ Николаевичъ пересматривалъ письма и телеграммы.

Въ это время его поздравляли разные, потому, В. Г. Чертковъ представилъ ему г-на Райта, привезшаго изъ Англіи покрытый многими стами подписей адресъ отъ англійскихъ почитателей Толстого. Въ числѣ подписей подъ этимъ адресомъ стояли имена многихъ извѣстнѣйшихъ писателей и дѣятелей Англіи (между прочимъ извѣстныхъ романистовъ Томаса Гарди, Мерсаята, Уэльса, поэта Эдуарда Карпентера, Мелензи Уоллеса, Бернарда Шоу, философа Фредерика Гаррисона, драматурга Кенна и др.). Въ числѣ подписавшихъ стояли имена ученыхъ, литераторовъ, общественныхъ дѣятелей, членовъ парламента, членовъ палаты лордовъ, членовъ выдающихся клубовъ социальныхъ реформъ и рабочей партіи, священниковъ государственной англиканской церкви и нонъ-конформистскихъ, т.-е. свободныхъ исповѣданій, подписи извѣстныхъ художниковъ, музыкантовъ, актеровъ, представителей труда, промышленности, коопераціи и т. д. Между подписями взрослыхъ выдѣлялись и дѣтскія подписи.

Вотъ полный текстъ англійскаго адреса: «Мы, нижеподписавшіеся, и множество нашихъ соотечественниковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ находящіеся въ Вашихъ сочиненіяхъ источникъ благородныхъ чувствъ и высокаго наслажденія, въ восьмидесятилѣтній день Вашего рожденія желаемъ выразить Вамъ не только расположеніе, которое мы чувствуемъ къ Вамъ, но также наше изумленіе передъ Вами, какъ передъ писателемъ и учителемъ правдивости».

Скромность и искренность, съ какою Вы представляли предъ человечествомъ новые и возвышенные идеалы, заставили міръ полюбить Васъ.

Мы видимъ, что спустя почти полстолѣтіе, время хотѣло ослѣпить красоту и истину Вашего многосторонняго труда, и мы радуемся, что Ваши сочиненія теперь читаются больше чѣмъ когда-либо. Они привлекаютъ къ себѣ сочувствіе и расположеніе людей значительно расходящихся въ мнѣніяхъ, и они восторгаются ими съ различныхъ точекъ зрѣнія.

И вотъ мы подписываемъ адѣсь наши имена, какъ Ваши доброжелатели и почитатели, а нѣкоторые изъ насъ какъ Ваши признательные ученики.»

Затѣмъ Лѣвъ Николаевичъ началъ свой рабочій день. Онъ работалъ въ этотъ день удивительно много для своихъ, поемному только еще крѣпнущихъ постѣ болящихъ силъ. Имъ было продиктовано семнадцать новыхъ мѣстъ для новаго круга чтенія, предназначеннаго для широкихъ народныхъ массъ. Этотъ кругъ чтенія явится какъ-бы синтезомъ всей духовной работы Лѣва Николаевича. Въ немъ онъ дѣлаетъ попытку объединить все единое изъ всѣхъ великихъ основнхъ религій міра, какъ-бы сосланиа единое, основное въ нихъ, въ снпную религію любви, должествующую въ грядущемъ соединить въ одномъ великомъ братствѣ все разрозненное человечество.

Во время самыхъ тяжелыхъ дней болязни, падавшими отъ слабости голозомъ, онъ продолжалъ диктовать мысли для этого труда. Въ заглъ, на столахъ, на роли лежали папки съ только-что пришедшими адресами отъ общества любителей россійской словесности, съ особеннымъ интересомъ читавшимся семьею Лѣва Николаевича, общества дѣлителей періодической печати, общества любителей художествъ съ альбомомъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, специально для него нарисованныхъ и др.

На одномъ изъ оныхъ стояло самое загадочное поименованіе Лѣву Николаевичу—заказанный на трудовыя деньги оффиціантъ сада «Фарст» мелкхворный самоваръ съ вырѣзаннами на немъ изреченіями: «Парство Божіе внутри васъ есть», «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», «Не такъ живи, какъ хочешь, а какъ Богъ велитъ», и потомъ перечеисленіе именъ подписчиковъ. На самоварѣ висѣло широкое русскіимъ узоромъ полатище съ такими же подписями. Отъ этихъ тружениковъ, не только сохранившихъ душу живу среди самой отрицательной для всенкой духовной жизни обстановки мѣста, гдѣ проходили ихъ жизни, но живущихъ среди нея серьезными вопросами души. Они прислали бытъ еще прекрасный адресъ, который мы приводимъ, какъ одно изъ самыхъ трогательныхъ привѣтствій изъ глубины народной: «Дорогой Лѣвъ Николаевичъ! Весь цивилизованный міръ, все культурное человечество чувствуетъ сегодня 80-ю годовщину Вашего рожденія,—позвольте же, великій учитель, и намъ, петербургскимъ оффиціантамъ изъ сада «Фарстъ», присоединить нашъ скромный голосъ къ радостному привѣтствію всѣхъ народовъ всего земнаго шара».

Конечно, мы еще далеки отъ проповѣдуемыхъ вами идеаловъ, но мы счастливы сознаниемъ, что уже начинаемъ постигать всю благодать ученія и изъ «человѣковъ» становились людьми, чувствующими Бога и стремящимися къ одной вѣчной правдѣ.

И мы свято вѣримъ, докода солнце будетъ согрѣвать своихъ живительнымъ тепломъ вселенную, докода на землѣ будетъ жить въ людяхъ душа человѣческая, докода не умрутъ творенія Ваши, и Ваше ученіе нѣтъ останется памятникомъ непоколебимой вѣры въ Бога и въ его благодать, и призывомъ людей ко всему свѣтлому, справедливому, благородному. Низко бьемъ Вамъ челомъ, великій учитель, слава и гордость нашей страны, и молимъ Господа о протленіи столь драгоцѣнныхъ для всего человечества дѣлъ Вашихъ.»

Сотни привѣтственныхъ писемъ, адресовъ, телеграммъ, со всѣхъ концовъ Россіи и многочисленныя письма изъ-за границы лежали уже просмотрѣнными въ шкапу для корреспонденціи. Все время изъ Засѣки, Яснополя, Тулы привозились новыя пакеты писемъ и множество телеграммъ.

28-го было получено около 500 телеграммъ, въ числѣ которыхъ и множество телеграммъ отъ городскихъ, земскихъ, научныхъ, литературныхъ, образовательныхъ учреждений, гимназій, школъ, всевозможныхъ собраний, союзовъ, группъ и въ особенности въ деревенской Россіи. Утромъ только сегодня, 29-го, изъ Тулы было привезено около тысячи телеграммъ и между ними въ огромномъ числѣ заграничныя, какъ болѣе сложныя и разборки, задержанныя доставкой. Но дѣло, разумеется, не въ числѣ ихъ, не удивительномъ при огромной популярности Толстого во всемъ мірѣ. Для такихъ старыхъ единомышленниковъ Толстого, какъ пишущій эти строки, бесконечно радостно было другое, радостно было слышать по всѣхъ этихъ привѣтствіяхъ сотни тысячъ его почитателей восторженную благодарность за то великое дѣло возрожденія человечества учениемъ любви, надъ которымъ уже болѣе четверти вѣка бесмыслино, напрягая всѣ силы своей души, трудится великій пахарь и сѣятель земли русской и всего человечества.

Само собою разумеется, что огромное большинство привѣтствій чествуетъ Толстого и какъ гениальнаго художественнаго творца, но Толстой, какъ апостолъ любви, пророкъ братства, великій борецъ съ насилиемъ и «властью тьмы» (слова, особенно часто повторяемыя въ телеграммахъ), чествуется прежде и прѣьше всего. Для этого стоитъ только бросить самый бѣглый взглядъ на эти огромныя пачки телеграммъ и писемъ.

Выдержки изъ нѣкоторыхъ, наиболѣе содержательныхъ и трогательныхъ по своей искренности и глубинѣ чувства, я постараюсь сообщить на этихъ дняхъ.

Возвращаясь въ вчерашнему дню.

Около дома толпились неспокойныя ребятишки, получившіе утромъ по коробку конфетъ съ видами Ясной Поляны, посланными для нихъ для этого дня изъ Петербурга Жоржемъ Борманомъ. (Взрослые же крестьяне получили по кость изъ сотни костей, присланныхъ съ этою цѣлью однимъ фабрикантомъ кость съ юга).

Собравшись потомъ на балконѣ дома, ребятишки съ шумнымъ весельемъ разбирали себѣ для чтенія книжки изъ груды посредническихъ дѣтскихъ книжекъ, принесенныхъ для нихъ изъ дома.

До обеда в Ясную Поляну съехались все сыновья Льва Николаевича (исключая Льва Львовича, гостившего в Швеции у отца большой в ту минуту своей жены). Старшая дочь Льва Николаевича, Татьяна Львовна, не давно только приехала в Ясную Поляну навестить больного отца и провести с матерью день его рождения.

Кроме семьи и родных, в Ясной Поляне было только несколько (очень немногo) из наиболее близких Льву Николаевичу его друзей, проводивших лето близ него, и таких старинных друзей дома, как М. А. Сухович.

Къ обеду Лев Николаевич выходил на своем подвижном кресле, которое было поставлено так, что он мог видеть всех сидящих за столом. Передъ началом обеда он дружески беседовал с некоторыми из гостей.

После того, как он побыл послѣ обеда немного один у себя в кабинетѣ, его опять вывели в залъ, гдѣ онъ и оставался въ течение двухъ часовъ. Сначала, чтобы не утомляясь, много разговаривал, Лев Николаевич игралъ въ шахматы съ А. В. Гольденвейзеромъ, частнымъ его шахматнымъ партнеромъ. Потомъ онъ бесѣдовалъ на разные темы съ несколькими собравшимися около него гостями.

Вышедъ среди нихъ известный переводчикъ сочиненій Генри Джорджа С. Д. Николаевъ обратилъ особое вниманіе Льва Николаевича на присланный въ этотъ день замышленный по содержанию своему адресъ, содержавшій въ себѣ привѣтствіе Льву Николаевичу отъ союза австралийскихъ лицъ земельной реформы (Единого налога), подписанное представителями и секретарями всѣхъ земельныхъ федераций Австраліи. Левъ Николаевичъ, прочитавшій адресъ этого письма только мелькомъ, просилъ его съ глубокимъ вниманіемъ и сейчасъ тутъ же, въ залѣ, среди общаго кругомъ оживленнаго разговора, продиктовалъ своему секретарю, Н. Н. Гусеву, отвѣтъ, говорившій о томъ, что онъ радъ ихъ доброму къ нему отношенію и что онъ до послѣднихъ дней своихъ будетъ работать для общаго съ ними дѣла освобожденія земли отъ частной собственности.

Въ австралийскомъ адресѣ говорилось:

«Глубокоуважаемый учитель!»

Мы, ученики и послѣдователи Генри Джорджа, со всей Австраліи, называющіе себя сторонниками единого налога, желаемъ присоединиться къ тѣмъ выраженіямъ любви и уваженія, которыя будутъ нести къ вамъ, со всѣхъ концовъ міра въ тотъ день, когда вы достигнете почтеннаго восьмидесятилѣтняго возраста.

Исторія знаетъ немногихъ людей, которыхъ Богъ одарилъ бы такимъ гениемъ, какимъ отличается вы, и того менѣе людей, которые отдавали бы свой гений на служеніе столь благороднымъ цѣлямъ. Какъ велика нравственная сила того историческаго періода, который мы переживаемъ, вы господствуете надъ царями и властителями, и будете направлять человѣческую жизнь въ то время, когда они и дѣла ихъ будутъ забыты. Ваша любовь къ собратьямъ-людямъ, ваша готовность выступить на защиту всѣхъ угнетенныхъ повсюду воспламеняли отъвѣтную любовь въ сердцахъ людей, жизнь которыхъ приобрѣла смыслъ, и желанія которыхъ облагораживались, благодаря вашему примѣру и ученію.

Когда мы узнали, что вы приняли также ученіе нашего дорогаго покойнаго учителя Генри Джорджа, мы съ большей смѣлостью стали отстаивать тѣ идеалы, въ которыхъ мы стремимся, и съ большей увѣренностью стали думать о наступленіи того Царства Правды, въ которомъ справедливость будетъ закономъ общественныхъ отношеній и любовь—закономъ личныхъ отношеній между людьми.

Но только для насъ, но и для всѣхъ, искренно стремящихся многообразными путями улучшить міръ для тѣхъ, которые придутъ въ него послѣ насъ, ваша жизнь и ва-

ше ученіе будутъ источникомъ вдохновенія и останутся жить на всѣ вѣка. Когда же наступитъ время и вы присоединитесь къ отцамъ вашимъ, это вдохновеніе и память о васъ будутъ сохраняться среди члѣнства, какъ самое драгоценное его достояніе.

Но, да будетъ далекъ этотъ день и да продолжатъ ваши годы радостнаго служенія высочайшимъ интересамъ вашихъ собратьевъ-людей.

Прислушавъ потомъ сыграннаго ему, по его просьбѣ, А. В. Гольденвейзеромъ двѣ фортепьянные пѣснь, Левъ Николаевичъ просилъ увести его къ себѣ.

Вскорѣ послѣ этого разошлись и разѣхались всѣ остальные.

На другой день съ ранняго утра Левъ Николаевичъ уже былъ за работою, диктуя своему секретарю.

Вскорѣ, вѣроятно, онъ уже будетъ въ состояніи работать самъ за своимъ письменнымъ столомъ, такъ какъ вчера онъ уже вставалъ на короткое время на ноги, и въ преслѣдъ домашній врачъ, Д. Маковичъ, просить его еще побывать только изъ предосторожности.

А привѣтствія изъ всѣхъ концовъ міра все прибываютъ и прибываютъ въ Ясную Поляну...

И. Горбуновъ-Посадовъ.

Ясная Поляна, 29-го августа.

З. В. 2^е Сем. 1908

О музеѣ имени Л. Н. Толстого.

(Письмо въ редакцію).

Прекрасная идея В. И. Богучарскаго—учредить музею имени нашего великаго писателя—начинается, поздравляю, осуществлется: стѣнагоу отослудъ письма, портреты, картины, организуются фондъ на покупку дома для музея.

Но пока будетъ купленъ или вновь выстроенъ соответствующій для извѣстной цѣли домъ, является весьма существеннымъ вопросъ о томъ, гдѣ же хранить прикасающіеся взгляды, гдѣ найти средства для найма такого храненія?

Намъ, кажется, что, въ данномъ случаѣ, мога бы прійти на помощь коммисія, закупающая такъ называемымъ «домомъ писателя», что на Песочной улицѣ, близъ Каменноостровскаго проспекта.

Въ этомъ домѣ, насколько намъ извѣстно, помню комнату для писателей, существующую дѣлѣ обширныя комнаты нѣкимъ и нѣкимъ, кромѣ библиотеки покойнаго Михневича—не занятая.—это именно библиотека и столовая, въ которой не обдувано, такъ какъ обдувъ въ домѣ писателей еще не организованъ.

Устройство, съ разрѣшенія коммисіи въ этихъ двухъ комнатахъ, или хотя бы въ одной столовой, хранилища для предметовъ, присылаемыхъ въ толстовскій музею, нисколько не противорѣчило бы дѣлѣ жертвователя Голубева, желавшаго дать, по возможности, нездоровой пріятѣ престарѣлымъ писателямъ. Если при постройкѣ дома было отведено мѣсто для библиотеки, то отчего бы, хоть временно, не дать мѣста для музея имени величайшаго изъ русскихъ писателей?

Отчего не дать возможности отживающимъ свой вѣкъ маленькимъ писателямъ, скромнымъ рядовымъ многострадальной литературной арміи, ободритъ угасающій духъ и согрѣть сердца въ лучахъ неуважаемой славы своего великаго собрата?

Старые ветераны наполеоновской гвардіи хранили боевые реликвіи своего полководца, по примѣру ихъ, наши старые дворяне-гренадеры состоятъ въ почетномъ караулѣ у памятникѣ, отчего бы не организовать изъ писателей, живущихъ въ «домѣ писателя», такой же почетный караулъ около предметовъ, связанныхъ съ именемъ великаго писателя русской земли?

М. Баранцевичъ.

З. В. 2^е Сем. 1908

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

День Толстого въ провинціи.

Намъ получено изъ провинціи множество писемъ отъ нашихъ читателей и постоянныхъ корреспондентовъ съ сообщениями о томъ, какъ провинціальныя города отпраздновали 80-лѣтіе Л. Н. Толстого. Нѣтъ возможности уместить на столбцахъ газеты всѣ телеграммы, письма и адреса, которыми Россія привѣтствовала въ этотъ день своего великаго писателя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ возможности отмѣтить и всѣхъ препятствій, которые чинились на мѣстѣ всякому публичному выраженію уваженія Л. Н. Толстому.

Въ предыдущихъ номерахъ нашей газеты, въ телеграммахъ нашихъ корреспондентовъ, читатели могли найти указанія на то, какія трудности приходилось преодолѣвать общественнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ лицамъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ всаки удалось добиться разрѣшенія на устройство собраній. Увы, почти нигдѣ, несмотря на всѣ принятыя устроителями предосторожности, эти собранія не удалось довести до конца... Нашлись и такія мѣста, гдѣ администрація наложила veto даже на посылку телеграммъ. Какъ извѣстно, нигдѣ не почтили этотъ день учебныя заведенія разумѣется не повинѣ учащихся и учащихся... Единственно, кому удалось, хотя бы вѣщнымъ образомъ, по мѣрѣ своихъ средствъ и способностей, ознаменовать праздникъ русскаго гения—это пресса: большинство газетъ посвятили номера отъ 28 августа Л. Н. Толстому, и многія изъ нихъ вышли съ соответствующими иллюстраціями.

Какъ извѣстно, только одесскія газеты не могли присоединиться къ этому способу чествованія Толстого. Какое тѣтостное впечатлѣніе произвело это явленіе на читателей одесскихъ прогрессивныхъ газетъ, можно заключить изъ слѣдующей телеграммы, посланной группою одесситовъ въ „Кіевскія Вѣсти“:

„Въ этотъ знаменательный день, въ день великаго торжества всего русскаго народа, мы, одеситы, молчимъ. Молчимъ въ то время, когда сердца народа благоговѣнно колеблются отъ наполняющей ихъ горячей любви къ своему великому учителю и другу Л. Н. Толстому,—это воистину найвысшее изъ духовныхъ мученій, какія себѣ только можно представить. Мы молчимъ... Сегодня ни одна изъ мѣстныхъ газетъ словомъ не обмолвилась объ этомъ великомъ праздникѣ, звукомъ не упомянула о славной дѣятельности Л. Н. Толстого.

Вмѣстѣ съ плотью нашей срослась сильная, горячая любовь къ милому учителю и другу, и молчаніе только увеличиваетъ ее.

Мы молча обращаемъ теперь наши взоры въ Ясную Поляну, и сколько въ нихъ дѣловой, теплой любви и глубокой сильной привязанности!“

Изъ массы писемъ и газетныхъ вырѣ-

зокъ, относящихся къ 28 августа, мы, въ силу уже указанныхъ причинъ, помещаемъ самую ничтожную часть.

НАМЪ ПИШУТЬ:

Изъ Саратова.

Грустно прошелъ у насъ день Толстого. Обычная дневная сутолока... Немного. Обычная дневная сутолока... Успѣнные казацкіе патрули по улицамъ... Скромная товарищеская бесѣда сотрудникамъ «Саратовскаго Вѣстника» и «Сар. Листъ» въ редакціи «Сарат. Вѣстн.» и юбилейные номера газетъ. Но что за номера. Лѣвые—съ портретами юбиляра, выписками изъ энциклопедическаго словаря объ автобиографіи, жиденькими, осторожными статейками...

Зато черная пресса «свободно» почтила Л. Н. Толстого обширными статьями, проповѣдями «смирненнаго епископа Гермогена» и его «братія»... Издающийся обществомъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія «Братскій Листокъ» вышелъ въ траурной рамкѣ... Съ обѣихъ страницъ этого органа черной прессы вылитъ на голову великаго писателя ушатъ помоевъ, грязи, ругательства, злобной пѣны слѣпыхъ фанатиковъ религіи, охранителей «государственности», «семьи», «нравственности». Какіхъ только нѣтъ тутъ пошлыхъ грубыхъ анкетовъ!

Совѣсьмъ другой видъ у нѣмецкой газеты «Deutsche Volkszeitung»... Портретъ Л. Н. Толстого, теплая, задушевная статья для колонистовъ.

Вечеромъ состоялось собраніе литературнаго общества. Совѣтъ общества еще наканунѣ выработалъ конспектъ реферата о Л. Н. Толстомъ, который должна была прочесть членъ литературнаго общества Е. А. Сычева. Конспектъ послали полиціи и отъ конспекта лишь остались рожки да ножки... Составили другой, и референтъ въ каіе-нибудь 2—3 часа пришло въ наскоро набросать новый рефератъ. Разрѣшили. На собраніе явился пристаѣ 5-го участка Зубовъ и передъ началомъ заявилъ, что онъ закроетъ собраніе, если бы пренія будутъ касаться анархическихъ и религіозныхъ сторонъ ученія Л. Н. Толстого... Прочитали рефератъ. Предсѣдатель собранія г. Казанцевъ предложилъ приступить къ преніямъ... Заминка... Въ чувствуютъ себя связанными. Одинъ изъ членовъ общества выступилъ съ краткой теплою рѣчью о Л. Н. Толстомъ и кончилъ ее пригласеніемъ ознаменовать юбилей учрежденіемъ отъ литературнаго общества стипендіи имени юбиляра... И только... Никому не хотѣлось говорить въ рамкахъ урбанизмаго конспекта, и собраніе предпочло закрыты, а пренія перенести «до лучшаго времени».

Изъ Риги.

По поводу 80-лѣтя со дня рожденія Л. Н. Толстого ему были посланы изъ Риги, между прочимъ, привѣтствія отъ рижскаго литературно-художественнаго общества, отъ рижскаго педагогическаго общества, отъ латышскаго фотографическаго общества, отъ русскаго клуба.

Еврейскія культурно-просвѣтительныя организаціи воздержались отъ посылки привѣтствій, и лишь группа почитателей-евреевъ поздравила Л. Н. съ великимъ днемъ въ исторіи русской мысли.

Кромѣ этихъ славному юбилею послано еще нѣсколько поздравленій.

Совершенно игнорировали юбилей нѣмцы. Даже ихъ газеты, и тѣ умолчали о немъ. Одна лишь „Rig. Rundschau“ напечатала фельетонъ подъ заглавіемъ „Левъ Толстой“, а „Dona-Dig“ посвятила юбилею строкъ 20 въ отдѣлѣ „Внутреннія Извѣстія“. Вотъ и все! Редакторы газетъ предупредили, — косвеннымъ образомъ, конечно, — что разрѣшается касаться только литературной дѣятельности Толстого; тѣмъ не менѣе въ русскіхъ и латышскихъ газетахъ, кромѣ „Рижск. Вѣстника“ и „Rig. Avisa“, было напечатано много статей, частью собственныхъ, частью перепечатанныхъ изъ другихъ изданій, посвященныхъ юбилею. Эстампные и книжные магазины украсили свои витрины портретами и произведениями Толстого...

Такъ какъ не было получено какого-либо циркуляра о юбилеѣ Толстого, то учебныя заведенія ничѣмъ не отмѣтили день 28 августа; все же многіе преподаватели „контрабандой“ удѣлили свои уроки объясненію учащимся значенія юбилея Толстого... Совершенно молчало въ этотъ день „русское общество просвѣщенія“.

Въ ближайшее время предполагается устроить нѣсколько чтеній для народа, а литературно-художественное и педагогическое общества готовятся къ торжественнымъ засѣданіямъ, посвященнымъ графу Л. Н. Толстому.

Въ Ревелѣ поставили на эстонскомъ языкѣ „Власть тьмы“. Ту же пьесу на латышскомъ языкѣ поставили въ Митавѣ.

Изъ Нижняго-Новгорода.

28-го августа нижегородскому обществу не удалось публично почитать Л. Н. Толстого. Въ коммерческомъ собраніи предполагалось устроить семейный вечеръ, на которомъ артисты Дубянского театра должны были прочесть два акта изъ «Плодовъ Просвѣщенія»; кромѣ того, въ программу вечера входила «Крейперова Соната» Ветховена. Относительно такого скромнаго вечера, не пошлаго публичнаго характера, старинамъ приходилось вести съ администраціей длинныя переговоры, и въ концѣ концовъ, вечеръ былъ разрѣшенъ; но 28-го августа, около 3 час. дня, губернаторъ все же устройство этого вечера запретилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была запрещена посылка отъ лица старшинъ и клуба поздравительныхъ телеграммъ.

Нельзя не упомянуть еще и о другомъ случаѣ административнаго вмѣшательства. Городская публичная бібліотека рѣшила послать юбиляру телеграмму. Объ этомъ узнавъ губернаторъ и немедленно потребовалъ текстъ телеграммы на просмотръ.

Нечего и говорить, что изъ Нижняго послано Толстому множество телеграммъ и писемъ. Привѣтствія посылались частными лицами, служащими общественными, частными и казенными учрежденіями, кружками и группами интеллигенціи, редакціями прогрессивныхъ газетъ, просвѣдательными организаціями, приказчиками (сотни подписей), городскими рабочими и ремесленниками (сотни подписей), рабочими изъ Сороча (сотни подписей) и т. д.

Приводимъ, какъ наиболѣе интересный, текстъ адреса, который посланъ городскими рабочими и работницами:

«Дорогой Левъ Николаевичъ! Въ день 80-лѣтія вашего рожденія мы, нижеподписавшіеся нижегородскіе рабочіе и работницы, привѣствуемъ васъ, какъ выразителя смѣлаго и правдиваго слова, какъ проповѣдника добра и обличителя зла, лжи, обмана и варварской жестокости съ чьей бы стороны она ни происходила. Хотя среди насъ есть лица вовсе не согласныя съ нашимъ ученіемъ, тѣмъ не менѣе, почти каждый изъ насъ, читая ваши сочиненія, чувствуетъ потребность нравственнаго очищенія, они создаютъ въ душѣ читающаго благородное чувство, способное направлять человѣка на самопожертвованіе ради общаго блага, они вызываютъ въ душѣ читателя отвращеніе ко всему ложному, дурному и жестокому. И это въ насъ вызываетъ къ вамъ искреннее чувство глубокаго уваженія».

Роча 2^е сент. 1908

Изъ Киева.

Кіевъ имѣетъ не совсѣмъ обыкновеннаго помощника полиціи-мейстера: надаяхъ на эту должность назначаетъ магистръ полицейскаго права Г. А. Дяченко, бывшій инспекторъ студентовъ Демидовскаго юридическаго лицея.

Просвѣщенный помощникъ полиціи-мейстера, едва вступивъ въ должность, зарекомендовалъ себя вполне опредѣленно. Случай къ этому представился 28 августа, въ день юбилея гр. Л. Н. Толстого. Молодое кіевское «Общество распространенія въ народъ высшаго, средняго и низшаго образованія» назначило на этотъ день общее собраніе своихъ членовъ для обсужденія вопроса о чествованіи графа Толстого. Собраніе притянуло много членовъ. Въ качествѣ представителя администраціи явился г. Дяченко. Едва председатель правленія общества проф. Перетцъ приступилъ къ своему докладу, заключавшему въ себѣ характеристику Толстого, какъ художника, пом. полиціи-мейстера сдѣлалъ заявленіе, что «ораторъ отклонился отъ вопроса, стоящаго въ повѣсткѣ». Проф. Перетцъ продолжалъ свой докладъ, но былъ вторично остановленъ г-номъ Дяченко. Профессору пришлось совершенно скомкать свой докладъ и ограничиться конкретными предложеніями. То же самое произошло съ профессоромъ С. А. Ивановымъ. Когда докладчикъ заявилъ, что своимъ конкретнымъ предложеніемъ о способахъ ознаменованія юбилея онъ намѣренъ предпослать докладъ о Толстомъ, какъ о педагогѣ и гуманистѣ, — г. Дяченко его остановилъ и вслѣдъ за этимъ предложилъ председателю объявить собраніе закрытымъ.

Пришлось членамъ общества разойтись, не принявъ никакихъ резолюцій по вопросу объ ознаменованіи великаго юбилея.

«Законность» восторжествовала, и магистръ полицейскаго права г. Дяченко можетъ быть доволенъ...

Изъ Калуги.

Знаменательный день 80-лѣтняго юбилея г-ра Л. Н. Толстого прошель у насъ въ Ка-

лугѣ «по независящимъ обстоятельствамъ» вовсе не отмѣченъ, если не считать привѣтственной телеграммы юбиляру отъ группы гражданъ.

Роча 2^е сент. 1908

Номера кievскихъ газетъ отъ 28 августа въ значительной своей части были посвящены юбилею Л. Н. Толстого. Выдѣлялись только „Кіевлянинъ“, помѣстившій статью А. Савенко, направленную противъ чествованія Толстого, а также „Dziennik Kiowski“, обошедшій почему-то праздникъ великаго всемірнаго писателя полнымъ молчаніемъ.

— Ковенская городская дума постановила въ ознаменованіе 80-лѣтія со дня рожденія Л. Н. Толстого наименовать М. Садовую улицу именемъ Л. Н. Толстого и послать ему адресъ.

— Управляющій саратовской губерніей рѣшилъ привести въ исполненіе постановленіе саратовской городской думы о посылкѣ 28 августа приветственной телеграммы гр. Л. Н. Толстому.

— Гласными парицкой думы послана Л. Н. Толстому телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Благоговѣнно склоняясь передъ вашимъ гонимъ и любовью къ ближнему, желаемъ вамъ въ день вашего восьмидесятилѣтія еще много, много лѣтъ здравствовать на благо человѣчества“.

— Въ саратовской газетѣ „Волга“ помѣщено слѣдующее обращеніе къ Л. Н. Толстому:

„О, окаянный и презрѣннѣйшій россійскій Іуда, удавившій въ своемъ духѣ все святое, нравственно-чистое и нравственно-благородное, повѣсившій себя, какъ лютый самоубійца, на сухой вѣткѣ собственнаго возгорѣлагося ума и развращеннаго таланта, нравственно слѣпавшій теперь до мозга костей и своимъ возмутительнымъ нравственно-религіознымъ злодѣиствомъ заражающій всю жизненную атмосферу нашего интеллигентнаго общества! Анаема тебѣ, подлый, разбѣсившійся престестникъ, ядомъ страстнаго и развращеннаго твоего таланта отравившій и приведшій къ вѣчной гибели многія и многія души несчастныхъ и слабоумныхъ соотечественниковъ твоихъ!“

Подъ обращеніемъ подпись: „Смиренный Гермогенъ, епископъ саратовскій и парицкій“.

Речи 2^е сеп. 1908

ФИНЛЯНДИЯ

29 августа.

День Толстого в Гельсингфорсе.

Юбилей был отпразднован финляндцами, помимо послышки ряда телеграмм с выражением приветствия великому писателю от ряда писательских и просветительских обществ, еще и устройством бесплатной лекции о Толстом в нидландском студенческом доме и постановкой толстовских спектаклей в обоих местных театрах — финском и шведском. В том и другом ставилась «Власть тьмы». Особой тщательностью отличалась постановка в финском театре, который выдало начало подготавливаться к этому спектаклю, приняв за образец постановку этой же пьесы московским художественным театром. И насколько возможно было, группа слבלала все, от нея зависящее. Деревня и именно внимания на спектакль (если не обращать внимания на некоторые багровые мелочи в костюмах, причосы и т. п.). Анисья, Матрена, Аноута, — были настоящие. Лучшее не могли провести этих ролей и наши русские артистки... Далеко не так, хороших был мужской персонал. Артисты, нравственный Аким, совсем не понимая этой роли. На уроках с артистами стояли только два артиста, — нравский Митрича и мужа Маршны.

Во время спектакля, по предложению профессора Миккола, была послана приветственная телеграмма Толстому.

Рига 2^е сеп. 1908

ЦАРИЦИНЬ, 1-го сентября.

Вчера на собрании в монастырском подворье Иллудорь произнес «слово» с ругательствами по адресу Л. Н. Толстого и в заключение предать его анафеме.

Доклад депутата Розанова о деятельности Государственной Думы привлек немного публики, преимущественно рабочих.

КИЕВЪ, 1-го сентября.

Вчера в общественном собрании состоялся банкет интеллигенции, посвященный Л. Н. Толстому. Было произнесено много речей.

Начало следствие о безчинствах союзников. Установлено, что в пристава и городских стрельб секретарь общества активной борьбы с революцией Пашенко. В связи с этим задержана канцелярия общества и арестован председатель его. Полагают, что общество будет закрыто.

Рига 2^е сеп. 1908

КЕРЧЬ, 1-го сентября.

В ознаменование юбилея Л. Н. Толстого городская дума постановила назвать городскую библиотеку «Толстовской».

КОСТРОМА, 1-го сентября.

Обществом образования устроено было 31-го августа в дурьяском собрании в присутствии больше двух тысяч человек чествование Толстого и Тургенева. Толстому от лица всех присутствующих послана приветственная телеграмма; память Тургенева почтена вставанием.

САРАТОВЪ, 1-го сентября.

Сегодня в городской аудитории состоялось многолюдное собрание в честь Л. Н. Толстого. Член Государственной Думы Масленников произнес речь, в которой выражал уверенность в близком конце реакции и в великом будущем народа. Артистами были прочтены отрывки из произведений Толстого, иллюстрированные туманными картинками.

Рига 2^е сеп. 1908

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

Нам сообщают о еще одном ряде телеграмм, отправленных Л. Н. Толстому.

Кроме ремесленников-евреев отпразднать Л. Н. телеграмму следующего содержания: «Еврей-ремесленники г. Петербурга от всей души приветствуют солнце России».

Тыни Акибы не затмят свѣта Акости... Кроме того, отправлены телеграммы от литовского общественного собрания «Кружок», от группы почитателей г. Камышлова, пермской губ., от русского общества книгопродавцев и издателей, от эмигранта социалиста-революционера из Женевы, от группы почитателей г. Череповца, от группы учащихся ковенского ремесленного училища.

31 августа по окончании спектакля в Народном доме гр. Панниной, где в этот день была поставлена «Власть тьмы», отправлена Л. Н. Толстому приветственная телеграмма от гр. Панниной, артистов, педагогического персонала и аудитории».

Рига 2^е сеп. 1908

Статья Меньшикова о Толстом пропала даже кн. Мещерского, который пишет справедливым негодованием.

И действительно, можно ли себя представить, по отсутствию всякой деликатности, всякой порядочности, что-нибудь такое статьи Меньшикова по поводу идеи выкупа земли у гр. Толстого в пользу крестьян, где для утоления своей эгоистической жажды к злу, к доносу, к ненависти, он своей сыщичьей носу сует в семью гр. Толстого, в минуту, когда она собрана у ора почти умирающего ее главы, — чтобы злословить на графиню, считать их до холмы, повторить всякую ложь о положении крестьян-соседей гр. Толстого, набрасывающую тень на этого старца, как раз ко дню его юбилея, как раз тогда, когда он не может ни читать, ни писать!.. В довершение всего, из статьи Меньшикова видно, что он был когда-то гостем в подлинном владѣльце, — и вот чѣмъ онъ отплатилъ ему! Я никогда не былъ поклонникомъ гр. Толстого, какъ человека, но я счелъ бы себя подлымъ, если бы въ минуту, когда 80-лѣтній старецъ лежитъ окруженный сномъ, между жизнью и смертью, я промѣшалъ бы въ домашнюю жизнь его и близкихъ его, чтобы печально набрасывать тѣнь на него и на его жену. Но Меньшикову все нипочемъ, лишь бы зарабатывать деньги!

Да, ему все нипочемъ. Теперь онъ уже взялся за обработку Евангелія.

Рига 2^е сеп. 1908

Обращение епископа Гермогена.
 * * * Газета "Москвы" приводит следующий текст обращения епископа Гермогена к Л. Н. Толстому:

«О, окаянный и презрѣннѣйшій рос-
 сійскій Іуда, удавившій въ своемъ ду-
 хѣ все святое, нравственно-чсто-
 тное и нравственно-благородное, по-
 вѣсившій себя, какъ плотый самоуби-
 ца, на сухой вѣткѣ собственнаго воз-
 гордившагося ума и развращеннаго
 таланта, нравственно-сгнившій теперь
 до мозга костей и своимъ позмущи-
 тельнымъ нравственно-религіознымъ
 злоумраченіемъ заражающій всю жи-
 венную атмосферу нашего, интелли-
 гентнаго общества! Анафема тебѣ,
 подлый разбѣсившійся престѣпникъ,
 ядомъ страстнаго и развращеннаго
 твоего таланта отравившій и привед-
 шій къ вѣчной потябелѣ многіа и мно-
 гіа души несчастныхъ и слабоумныхъ
 соотечественниковъ твоихъ...

Газета "Копилка" 2-го Сент. 1908

◆ Вышелъ №1 профессиональнаго журнала рабо-
 чихъ "деревоблагодѣицы". Въ журналѣ помѣ-
 щена статья по поводу юбилея Л. Н. Толстого.

Нов. Русс. 2-го Сент. 1908

Чествование Толстого во Франции и Англии.

Теперь напечатаны письма, которые послали къ 80-лѣтнему Толстому въ русскій комитетъ печати французскіе писатели: Анатоль Франсъ, Марсель Превъ и Поль Маргеритъ. Толстой—нашъ великій учитель,—пишетъ Анатоль Франсъ,—въ изображеніи чело-вѣческой природы и жизни, и гений его воплотился въ его сочиненіяхъ во все периоды его жизни. Онъ для насъ — недостижимый примѣръ духовнаго благородства и мужества. Если даже мы не видимъ панацеи противъ жизненнаго зла въ простотѣ и въ отреченіи, если мы съ нашей проповѣдью справедливости остаемся въ промышленныхъ цѣпкахъ нашего стального вѣка, все-таки въ нашемъ сердцѣ будетъ вѣчно жить образъ патриарха въ Ясной Полянѣ, новаго «челюбоба» полей и лѣсовъ». То, что для древней Греціи была поэсія Гомера, созданная совмѣстными утонченными и многими племенемъ и вѣковъ, то для Россіи—одинъ Толстой,—душа и голосъ великаго народа, живой ключъ изъ котораго въ течение столѣтій будутъ черпать дѣти чело-вѣка и учителя чело-вѣчества. Превъ признаетъ, что нѣтъ почти ни одного французскаго романа, ни одного драматическаго сочиненія настоящаго времени, на которыхъ не отразилось бы такъ или иначе вліяніе Толстого.

Англійскіе газеты въ день юбилея посвящали Толстому обстоятельныя статьи. Перѣ въѣздомъ,—читаемъ мы въ передовой статьѣ *Daily News*,—стоитъ фигура этого старца, съ непобѣдимымъ духомъ. Онъ далеко отъ насъ въ осеннихъ поляхъ Россіи, но все истинныя вѣжды европейскихъ народовъ устремляютъ свои взоры къ нему и счастливы оказать ему сегодня такое уваженіе, какое мнѣ кажется едва ли болѣе нѣмъ разъ въ столѣтіе отдѣльному чело-вѣку. Не ради одного его художественнаго творчества и не ради одного его нравственнаго ученія мы чествуемъ его. За этимъ творчествомъ и ученіемъ мы видимъ осязную личность, не боющую ни мірскихъ невзгодъ, ни духовныхъ мученій, ни нежелательныхъ результатовъ исканія. Въ немъ мужество и вѣрность идеѣ, въ немъ способность воспринять чужую радость и чужое горе, въ немъ непоколебимая преданность всемірнымъ принципамъ свободы и состраданія. Но выйдя со всемъ этимъ въ немъ нѣчто необъяснимое, именно то, что мы называемъ гениемъ,— гениемъ мысли и жизни». Въ день юбилея выдѣлъ на англійскомъ языкѣ первый томъ обширной біографіи Толстого, написанной равностойнымъ посвѣдователемъ

Толстого англичаниномъ Моуъ (Maude). Первый томъ охватываетъ перыя 50 лѣтъ жизни Толстого.

Рус. Вѣдом. 2^е Сент. 1908

Юбилей Л. Н. Толстого на его родинѣ.

(Отъ нашего тульскаго корреспондента).

Мѣстныя земскія и городскія управленія «не замѣтили» рѣдкой годовщины, но зато общество въ достаточно степени ярко проявило свое отношеніе къ 80-лѣтнему юбилею Л. Н. Толстого.

Начнемъ съ попытки устроить публичное чествованіе Л. Н. Толстого. Она была сдѣлана мѣстнымъ «обществомъ образованія». Правленіе назначило на 28-е августа общее собраніе членовъ по текущимъ вопросамъ, помимо которыхъ намѣтило рефератъ «Л. Н. Толстой какъ педагогъ». Рефератъ общаго прочтѣнія учителя мѣстной гимназіи г. Токарскаго.

Въ назначенное для собранія время въ залѣ общества образованія собралось много публики, но входившихъ въ залъ поражаело то обстоятельство, что правленіе общества, предположая хотѣ и очень скромное чествованіе юбиляра, не позаботилось даже украсить залъ афишными портретами.

Собраніе открывается, и председатель правленія г. Поляковъ сообщаетъ неожиданныя вѣстие:

— Г. Токарскаго сдѣла съ рефератъ.

Причина неизвестна.

Публика оторчена.

— Вѣсть г. Токарскаго,—сообщаетъ далѣе г. Поляковъ,—выразилъ согласіе прочтѣть рефератъ на тему: «Тургеневъ и Толстой въ ихъ произведеніяхъ» членъ общества Смирновъ, но правленіе предлагаетъ вначалѣ заняться текущими дѣлами, послѣ чего уже и заслушать рефератъ...

Такой оборотъ дѣла уже съ чествованіемъ Толстого имѣлъ мало сходства, и разочарованное собраніе мало слушало доклады правленія, оживившись лишь на минуту,—когда группа членовъ общества внесла предложеніе прервать текущія дѣла и заслушать докладъ г. Смирнова.

Однако, председатель правленія настоялъ на принятіи порядкѣ дня, и послѣ этого многие изъ публики оставили залъ.

Такимъ образомъ, попытка публичнаго чествованія была сдѣлана и встрѣтила живой откликъ въ мѣстномъ обществѣ. Если она не удалась,—виноваты въ этомъ распорядители общества образованія и «непредвидѣнныя обстоятельства».

Помимо этой попытки, симпатія общества къ Л. Н. Толстому выразилась въ послыжѣ цѣлага ряда привѣтственныхъ телеграммъ.

Посланы телеграммы редакціей «Тульской Молвы», студентами высшихъ учебныхъ заведеній, уроженцами Тулы, врачами и адвокатурой и отдѣльными лицами.

Мѣстный клубъ (дворянское собраніе), помимо послыжки привѣтственной телеграммы, постановилъ: «Въ ознаменованіе 80-лѣтія со дня рожденія Л. Н. Толстого пожертвовать обществу вспоможенія недостаточнымъ ученикамъ мѣстной гимназіи 2,000 рублей въ непрямосоповѣнный капиталъ имени великаго писателя на уплату за ученіе бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи въ сѣстѣ по назначенію этого общества».

Русское Слово 2^е Сент. 1908

Гноевые мухи.

(Из воспоминаний о Вл. С. Соловьеве).

I.

Воспоминания г-жи Безобразовой о ее брате, Вл. Соловьеве, характер их и недомыслие, которое они должны вызывать в некоторых читателях своим изобличением темных пятен на светлом имени философа, пожалуй, даже уместны, как раз к времени — к дню юбилея другого великого нашего властителя дум, Л. Н. Толстого. Некоторые черты и точки биографии яснополянского мудреца также вьз смущали и смущают иных читателей, а подлой душою одного словозвертателя дали даже материал для написания гнусейшей статьи о том, что имя данный господин долгие годы ранее выставлял, как свой герб, как самое священное знамя. И отрицать подобного материала нельзя, факты соблазнительного свойства, несомненно, есть. Весь вопрос только в том, можно ли тут соблазняться. Приводимые здесь факты действительно ли материал для неизбежных смущений и соблазна? Нужно разобраться.

Смущение отъ тьневых сторон и пятен в жизни великих людей до некоторой степени понятно. Но, — под чернью, — только до некоторой степени и при обычных наших установках. Мы мало знаем и еще меньше задумываемся над жизнью. Не умеем правильно расценивать и жизнь, и людей. Особенно не умеем ценить и понимать великое в жизни и в людях. Мы для этого сами недостаточно велики. Вьками подлога рабства, гнета, безправия и принижения личности мы воспитались рабами. По-рабски мыслим, по-рабски и чувствуем. Широкого, свободного отношения к жизни у нас нть. Как нть и свободного, не рабского взгляда на людей вообще и на великих людей в частности. Рабы в души, мы или рабски пресмыкаемся предъ великим человеком, позираем на четвереньках, или, как рабы, топчем то же великое ногами.

Ни Сикстинская Мадонна Рафаэля, ни статуя Венеры Милосской, ни музыка Бетховена, ни поэзия Гомера, Данта и Пушкина, ни философия Сократа и Канта, при всей своей гениальности, не чужды тьневых недостатков. Однако, мы научились их понимать и ценить. Такой же приемъ оценки, естественно, должен быть применен и при суждениях о великих людях.

Великое — чьло в своемъ величии, великое безъ пятна, безъ паранни, великое безусловно, во всемъ и всегда, такое великое есть уже осуществленный идеалъ. Оно — чьло близкого или далекого грядущаго. Оно — работа пь-

лыхъ поколений, народовъ, всего, наконецъ, человечества. Пока же до полноты и чьльности идеала, воплощеннаго хотя бы и в исключительныхъ, великихъ людяхъ, еще очень и очень далеко. Великие люди, какъ они ни велики и ни высоки, все же — дьти нашего маленькаго и низкаго времени. Они — выразители того высшаго, до чего наше время способно подняться, но они же и невольные носители того проклятия прошлаго, которое они вь себя несутъ по закону наследства. Все это необходимо различать при оценке великаго человека, будь это Левъ Толстой, Вл. Соловьевъ или кто другой. Тогда получается болъе глубокое и болъе правильное понимание личности великаго человека. Тогда и тьневые стороны и пятна жизни его не соблазняютъ, не даютъ основанія распускаться и намъ, а, напротивъ, заставляютъ каждого изъ насъ, по мьрѣ своихъ малыхъ силъ, напряженнѣе работать надъ собою. Чтобы сдѣлать данную мысль совершенно ясною, я позволю себѣ возможно полнѣе разобрать наши обычные отношенія къ великому человеку на примѣрѣ Вл. Соловьева. Каюсь, я самъ на первыхъ порахъ своего знакомства съ нашимъ философъ былъ смущенъ многими изъ того, что многихъ смущаетъ теперь въ воспоминаніяхъ его сестры, г-жи Безобразовой.

— Къ маленькимъ людишкамъ при-

ставлены и маленькіе чертенята. Иногда по одному чертенку на цѣлую душу. Къ большому же человѣку, къ сильной и крупной личности, приставлено по черту большому, иногда къ одному по два и по три, а то и цѣлой дюжиной.

Проклятая насѣдственность, все порочное, злобное, смрадное, вынесенное предками изъ звѣринаго состоянія и пока еще не облагороженное упорной ихъ работой надъ собою, все это и въ крупной личности, только еще крупнѣе, чѣмъ въ другихъ, глубоко сидитъ и рвется наружу. А наше ужасное воспитаніе, грубая среда, мрачный застѣнокъ общественной жизни, — они также и на философа кланя и владутъ свой отщепенецъ. Великіе люди, призванные быть строителями будущаго, все же дѣти пропалаго. Выражаясь образно, въ переносномъ смыслѣ, можно сказать, что если изъ ада человѣкъ и выберется на дорогу въ рай, то отъ него все же еще долго, безъ сомнѣнія, будетъ пахнуть и сѣрой, и смолой. Когда у человѣчества отъ давняго звѣринаго положенія остались еще звѣринныя копыта, то, какъ ни старайся ихъ спрятать, они нѣтъ-нѣтъ, да и вылазнутъ.

И голова, и плечи, и руки, и туловище, и ноги до ступни, если не у всего человечества, то, по крайней мѣрѣ, хотя у высшихъ представителей его, путемъ длинной и упорной культурной работы очищены отъ звѣриной шерсти, и грубая, толстая звѣриная шкура утончена въ человѣческую кожу, по ступни и у вождей человечества пока все еще похожи на копыта, и эти копыта иногда обнаруживаются и у Толстыхъ, и у Соловьевыхъ, и у философовъ, и у пророковъ.

Задача каждой и каждой, работа, предлагаемая всему человѣку на будущее, — оставшіяся звѣринныя копыта переработать въ человѣческія ступни. Поэтому, когда, по рассказамъ М. Безобразова или кого другого объ иномъ, у Вл. Соловьева или у Л. Толстого, или еще у кого, иногда обнаруживаются неожиданно копыта, то ни для особо мрачныхъ смущеній и огорченій, разочарованій и потери вѣры въ людей, ни тѣмъ болѣе для оправданія своего постоянного снисхожденія нѣтъ никакихъ основаній.

Во-первыхъ, у философовъ и пророковъ ихъ звѣринныя копыта выглядываютъ только иногда, а мы въ своей свиной претинѣ во весь ростъ ходимъ всегда. Главное же и остаткіи звѣря, прорывающіеся у Соловьевыхъ и иногда, составляютъ предметъ ихъ постоянной внутренней борьбы, предметъ ихъ тяжкихъ угрызѣній совѣсти. Копыта — ихъ невидимая постороннимъ трагедія. Копыта ихъ давятъ, жгутъ. Они хотѣли бы сорвать эти копыта. Но отъ копытъ срывомъ ихъ не избавишься. Необходимо ихъ перерожденіе въ человѣческія ступни. Поэтому, что ни писали бы сестры и

своихъ великихъ братьевъ, какія бы копыта иногда ни открывались у великихъ людей, намъ нѣтъ основаній утраивать вокругъ обнажившихся копытъ философа, пророка или другого учителя жизни падающіе вѣдья или пляска чертей, которые, какъ повѣствуютъ мавешское легендарное сказаніе, когда имъ удалось соблазнить великаго подвижника Псаакія, бѣшено. Скакали вокругъ него съ крикомъ:

— Налѣ еси, братъ Псаакій!

Большой чортъ и у Псаакія могъ иногда сорваться съ цѣпи и наговорить и надѣлать непристойностей, пока Псаакій снова его не засадитъ на цѣпь. Но отсюда отнюдь не значитъ, что если у Псаакія иногда срывается чортъ, то мы, ставъ, со спящей совѣстью можемъ сами сдѣлать съ цѣпью всю сорочку пятавѣхъ, поганенькихъ нашихъ чертенятъ и вмѣстѣ съ ними еще дѣловать вокругъ Соловьева, Толстого и другого Псаакія, крича съ восторгомъ:

— Налѣ еси, братъ Псаакій!

Ничего онъ не налѣ, и не валѣ, и не чортѣ. Копыта, это — не его. Копыта — не благопріобрѣтенное. Копыта — унаслѣдованное. За копыта онъ не держится, онъ не въ силахъ отъ нихъ избавиться. Они — не гордость и утѣха его, они — его мученія, стыдъ, позоръ.

Его собственное, его пріобрѣтенное, это — высшее, пророческое. Одухотворенный лобъ, вдохновенные, горящіе святымъ огнемъ глаза, это — его. Частное, личное. Самое дорогое. Жемчужина. Лошадинныя же челюсти, звѣриная половина лица, это — унаслѣдованное. Это — раковина, въ которой создавалась жемчужина. Раковина, можетъ-быть, грязная, въ тинѣ, источенная снаружи. Но грязь раковины не обезцвѣчиваетъ чистоты и красоты жемчужины.

Почему же мы въ живой раковинѣ будемъ снимать съ нея грязь и забывать о жемчужинѣ? Соловьевы, Толстые, философы и пророки дали и дадутъ пригоршни крупныхъ и чистыхъ, дорогихъ жемчужинъ. Это и должно привлекать насъ къ нимъ.

Подъ кустомъ розъ случайно, иногда можетъ оказаться дохлая мышь или раздавленная лягушка, но никогда соловей не сядетъ со своимъ пѣньемъ на падающаго. Онъ выбираетъ вѣтку съ самою крупною, душистою розой. Навозные же жуки всѣ, толпою, собираются на гниющій трупъ. Равно и гниевыя мухи, — онѣ садятся только на гниющую язву. И, право, тѣ, кто въ Соловьевыхъ, Толстыхъ, Некрасовыхъ, въ великихъ писателяхъ, философахъ и пророкахъ, учителяхъ жизни, при ближайшемъ знакомствѣ съ ихъ жизнью, садится на ихъ паршиины и язвы, тотъ доказываетъ только, что онъ самъ по природѣ... не соловей.

В. КУРСКИЙ.

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ, 1, IX. Вчера въ домъ общества трезвости «Който» состоялся вечеръ въ честь Л. Н. Толстого, въ которомъ, между прочимъ, выступили съ рѣчами писатель-толстовецъ Арвиль Ярнефельдъ и писательница Манна Миккога. Въ концѣ вечера Л. Н. Толстому была отправлена присутствовавшими телеграмма.

НИЕВЪ, 1, IX. Вчера члены общественаго собранія чествовали Л. Н. Толстого банкетомъ. Пропевшено много рѣчей.

ПЕНЗА, 1, IX. Въ народномъ театрѣ торжественно чествовался юбилей Л. Н. Толстого. Соболевъ прочиталъ рефератъ. Въ залѣ стоялъ бюстъ, украшенный вѣнками. Шли «Власть тьмы» и «Плоды просвѣщенія». Посланы юбиляру телеграммы старшинами театра, сотрудниками «Суры», союзомъ спенческихъ дѣателей.

ВЯЗНИКИ, 1, IX. Группой рабочихъ дениловской фабрики послано горячее привѣтствіе Толстому.

ТИФЛИСЪ, 1, IX. Въ субботу и воскресенье общество народныхъ развлеченій чествовало юбилей Толстого спектаклями въ циркѣ Никитиныхъ и въ верейской аудиторіи. Званія цирка и аудиторіи охранялись усиленными нарядами полиціи.

САРАТОВЪ, 1, IX. Состоялся юбилейный спектакль. Шли «Плоды просвѣщенія». Сегодня—Толстовскій вечеръ въ обществѣ народныхъ университетовъ съ участіемъ депутата Масленникова. Юбиляру послана телеграмма отъ адвокатуры.

САРАТОВЪ, 1, IX. Безплатная бесѣда о Толстомъ привлекла довольно много народу. Порядокъ охранялся «союзниками». Епископъ Гермогенъ, критикуя Толстого, назвалъ его ересіархомъ и сатаной. Протоіерей Кречетовичъ призналъ въ Толстомъ дьявольское искусство.

ЦАРИЦЫНЪ, 1, IX. Юбилею Л. Н. Толстого «братники» посвятили три послѣднихъ дня. Вчера на архіерейскомъ подворьѣ было самое многочисленное собраніе. Каждый разъ Нлѣдоръ говорилъ о Толстомъ и интеллигентахъ. Въ концѣ собранія онъ и тысячная толпа пѣли юбиляру анаему.

Рус. Слово 2^е сен. 1908

Совѣтъ постановилъ послать привѣтственную телеграмму Л. Н. Толстому по случаю 80-лѣтія со дня рожденія великаго писателя.

Рус. Слово 2^е сен. 1908